

великихъ народовъ не бываетъ коротка историческая память. Прежде чѣмъ является историческая наука, великіе народы обладаютъ уже богатствомъ знаній о вѣкахъ минувшихъ, о лицахъ и событіяхъ, оставившихъ свои слѣды въ ихъ памяти, озаряя потомковъ славою предковъ или указуя имъ новыя пути. Само собою разумѣется, что историческія народныя воспоминанія не всегда воспроизводятъ былое въ точномъ и истинномъ видѣ, но большею частію въ отрывкахъ и лишь въ поэтическихъ украшенияхъ и очертаніяхъ; но для историка не безразлично знать, подъ какимъ угломъ зрѣнія тѣ

или другія событія и лица отразились въ народномъ сознани и подъ какими внутренними движеніями они ощущаются донынѣ народнымъ сердцемъ.

Въ эпихъ народныхъ сказаніяхъ не только можно почерпнуть живыя черты для художественнаго изображенія историческихъ лицъ и событій, но и подмѣчаютъ иногда смѣсль, какого не подсказываютъ намъ старыя лѣто-

писи и акты. Предлагаемые Сказания записаны нами в Олонцкой и Новгородской губерниях и большею частью опять пѣвца былинъ Щеголенкова и известной вопленицы Ирины Федосовой.

Не вдругъ появилась на Руси идея Царя, какъ византійскаго православнаго Самодержца. Для эпохи прежде всего должна была заселиться, объединиться и нравственно окрѣпнуть Великая сѣверная Русь; главнымъ же образомъ развише Царской идеи неразрывно связано съ исторіею Москвы и судьбами Византійской имперіи. Только при свѣпѣ минувшихъ вѣковъ сказывающагося и наиболѣе явственно историческое значение и наиболѣе ярко историческая слава прехосплѣшняго царствоваша Дома Романовыхъ.

Въ концѣ XI вѣка древняя Суздальская область, ядро Великой Россіи, была достояніемъ, какъ известно, Владиміра Мономаха и его рода. Мономахъ былъ носитель идеи Единой Русской земли и единой Верховной власти, о которомъ, какъ идеалѣ уже невозвратномъ, вспоминали въ XII вѣкѣ: «О, спомани Русской землѣ, вспоминая первую годину и первѣхъ князей! Нельзя вѣдъ шого спараго Владиміра пригвоздишъ къ горамъ Кіевскимъ. Однѣ знамена спали Рюрика; другія Давида; но врозь онѣ вѣюпся у нихъ извилинами». Не даромъ, по преданію, Мономаху присланы были изъ Царьграда знаки Цесарскаго достоинства: царскія оплечья (бармы) и царскій вѣнецъ, известнѣйшій подъ именемъ «Мономаховой шапки».

Сынъ его Георгій (Юрій) шель по слѣдамъ своего державнаго отца и опдалъ всю свою молодую энергію на усироеніе Суздальскаго края, новой сѣверовосточной Россіи.

Дика, угрюма и сурова была эпа малообитаемая сторона. Здѣсь «были темныя лѣса дремучіе, высокія горы толкучія, дикія болота и мхи дѣбѣчія, рѣки большія и малыя озерышка, острова незнакомыя, берега небывалыя. Предъ глазами мелькали деревца шатучія, суховерхія рошцы еловыя и горькія осинушки, курчавыя березыньки; ракиповыя кустики, малиновыя прутьики; а въ нихъ вѣтали змѣи клеучи и звѣри събдучіе; да же и шеперь чаще встрѣчаются здѣсь: заюшко загнанной, горноспалюшко упалою, сѣрой волкъ и звѣрь (медвѣдъ); изрѣдка залетаепъ сюда соловей—пшица свиспучая, но чаще слышипся кокоша горегорькая; бываюптъ пшицы привѣтливыя и догадливыя: сокольчикъ златокрылепкой, орель пшица говорящая, косатая ластушка и бѣлая лебедушка, но больше здѣсь пшиць хищныхъ и жалкихъ: черныя воронъ, гуси заблудящіе, сорока поскакучая, вороница полетучая и всякая упадъ во темномъ лѣсу. Буйныя вѣтры господствуютъ здѣсь; подымаепся пѣдара — погода непомѣрная: огромныя деревья вырываетъ съ корнемъ, горы даюптъ прецины; въ рѣкахъ вода мѣшается съ пескомъ; но вопъ еще подуюптъ тѣроки съ западомъ, кресты на могилахъ сокидаепъ, солону со хороминъ снимаетъ, на морѣ образуются сполшни ч лодкамъ и соймамъ грозипъ великая опасность». Поняшно, какую страшную борьбу долженъ вести здѣсь человекъ съ такой угрюмой, бурной и непостоянной природой. Чтобы только поддерживать здѣсь свое существованіе, «нужно имѣть силу звѣриную и ноцяги надо держатъ лошадинныя». Здѣсь повсюду «далѣки успоронница, темныя залѣсица и малыя безлюдница». Еспѣ мѣста проклятыя:

«Сѣрвіи зайшко шуды не проскакиваеть,
«Малая пшца не залетываеть;
«Извошки туда не забѣживають;
«Перехожіе калѣки не захаживають;
«Студеной зимой живеть бездорожнице,
«Какъ весной живеть великое распутьице;
«У озеръ нѣтъ перегребныхъ малыхъ лодочекъ,
«Черезъ рѣченьку дубовой нѣтъ мостиночки».

Съ точки зрѣнія Киевской боярской дружины тамъ жили «мужики За-лѣшане»; но то были богатѣири, безъ которыхъ не обходилась и гордая Русь Киевская.

Колонизовать этотъ малообитаемый Сѣверовосточный край, осушить лѣшніе мхи и болота и на логовицахъ съѣдучихъ звѣрей создать человѣчскія жилища съ гражданскимъ благоустройствомъ, — значитъ совершить истинно богатѣирскій подвигъ.

Неудивительно, если энергическая дѣятельность Георгія (Юрія) Долгорукова, по устройно и христіанизации этого края, въ народной поэзии представлена въ образѣ богатѣири Георгія Храброго.

«Ѣдетъ онъ, Георгій Храбрый,
«Къ той землѣ свѣтло-русской,
«Отъ востока до запада побѣзжачи,
«Свящую вѣру утверждаючи,
«Бесерменскую вѣру побѣждаючи.
«Наѣзжастъ онъ, Георгій Храбрый,
«На тѣ лѣса на темныя,
«На тѣ лѣса на дремучіе.
«Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати,
«Хочетъ онъ, Храбрый, туто пропѣриши
«Нельзя Георгію туто проѣхати,
«Нельзя Храброму туто подумати.
«И Георгій Храбрый проглаголуеть:
— Ой, вы лѣса, лѣса темныя!
— Ой, вы лѣса, лѣса дремучія!
— Заросшиися лѣса темныя
— По всей землѣ свѣтло-русской!
— Раскиньшесь лѣса дремучіе
— По крупнымъ горамъ по высокимъ .

По его слову, Георгіеву, по его, Храброго, молешю, лѣса уступили занятое пространство, раскинулись сами по крупнымъ горамъ по высокимъ.

«Наѣзжастъ онъ, Георгій Храбрый,
«На тѣ горы на высокія,
«На тѣ холмы на широкіе.
«Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати,
«Хочетъ онъ, Храбрый, туто пропѣрити.
«Нельзя Георгію туто проѣхати,
«Нельзя Храброму туто подумати.
«И Георгій Храбрый проглаголуеть:
— Ой, вы горы, горы высокія,
— Ой, вы холмы, холмы широкіе,
— Разсѣшьшися горы высокія
— По всей землѣ свѣтло-русской!
— Становишесь холмы широкіе
— По степямъ-полямъ зеленіямъ .

По Божьему все величню, по Георгиеву все моленю, уравнились горы и холмы, разсыпались горы по всей землѣ, спановились холмы по степямъ-полямъ по зеленымъ.

«Наѣзжаетъ Егорей Храбрый
«На тѣ на моря на глубокія,
«На тѣ рѣки на широкія.
«Хочетъ онъ, Георги, туто проѣхати,
«Хочетъ онъ, Храбрый, туто пропорити.
«Недѣзя Георгию туто проѣхати,
«Недѣзя Храброму туто подумати.
«И Георгій Храбрый проглаголуеть:
— Ой, вы моря, моря глубокия,
— Ой, вы рѣки, рѣки широкія,
— Попеките моря глубокия
— По всей землѣ свѣтло-русской!
— Побѣгите рѣки широкія,
— Отъ востока до запада».

По Божьему все величню, по Егорьеву все моленю, и моря и рѣки давали ему дорогу, протекали по всей землѣ и пробѣгали отъ востока до запада.

«Наѣзжаетъ онъ, Георги Храбрый,
«На тѣхъ звѣрей на могучихъ,
«На тѣхъ звѣрей на рогатыхъ,
«Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати,
«Хочетъ онъ, Храбрый, туто пропорити.
«Недѣзя Георгию туто проѣхати,
«Недѣзя Храброму туто подумати.
«И Георгій Храбрый проглаголуеть:
— Ой, вы звѣри, звѣри могучіе!
— Ой, вы звѣри, звѣри рогатіе!
— Расселись звѣри могучіе
— По всей землѣ свѣтло-русской!
— Разбѣгитесь звѣри рогатіе
— По степямъ-полямъ по зеленымъ!
«И онъ, Георгій Храбрый, заповѣдаетъ
«Всѣмъ звѣрямъ могучимъ,
«Всѣмъ волкамъ рысучимъ:
— А и естъ про васъ на съѣдомое
— Въ поляхъ права муравчана;
— А и естъ про васъ на поилице
— Въ рѣкахъ вода спуденая».

По его ли слову Георгиеву, по его ли Храбраго моленю, разбѣжались звѣри по всей землѣ, разметались они по полямъ-степямъ, но вреда людямъ не дѣлаютъ «пьютъ-ѣдятъ повелѣнное, повелѣнное заповѣданное; только праву ѣдятъ, только воду пьютъ».

«Наѣзжаетъ онъ, Георги Храбрый,
«На то спадо на змѣинос,
«На то спадо на лютое.
«Хочетъ онъ, Георги, туто проѣхати,
«Хочетъ онъ, Храбрый, туто пропорити.
«И спадо змѣинос возговоритъ:
— Али ты, Георги, не вѣдаешь,
— Али ты, Храбрый, не знаешь,
— Чшо па земля словомъ заказана,

— Словомъ заказана-заповѣдана.
— По ииой ли землѣ заповѣданной,
— Тамъ человекъ не прохаживалъ,
— На конѣ никшо не пробѣживалъ.
— Уйми тѣ, Георгій, своего коня рещиваго,
— Воротися тѣ, Храбрый, самъ назадъ.
«Внималъ Георгій саблю вострую,
«Нанадалъ, Храбрый, на снадо змѣиное,
«А на третій день ко вечеру
«Посѣкъ порубилъ снадо люшо».

Жрецы-шаманы финскихъ племень мери и муромы, веси и чюди, перво-населъниковъ эпого края, представляяи то змѣиное снадо, кое посѣкъ-порубилъ Георгій Храбрый, за то восторженно воспрѣмили его красныя дѣвы, представишельницы обитавнаго здѣсѣ въ маломъ числѣ русскаго племени.

«Наѣзжаснѣ онъ, Георгій Храбрый,
«На ту землю свѣтло-русскую,
«На тѣ поля, рѣки широкія,
«На шѣ высоки шерема златоверхія.
«Хочетъ онъ, Георгій, шуно проѣхати,
«Хочетъ онъ, Храбрый, шуто пропориши.
«Какъ и шуть-ли ему, Георгію,
«Выходятъ навстрѣчу красныя дѣвицы,
«Какъ и шуть ли ему, Храброму, проглаголюютьъ:
— А шебя ли мы, Георгій, дожидаяочисѣ,
— Тридцать три года не спугаяочисѣ
— Съ высокою шерема златоверхаго;
— А тебя ли мы, Храбраго, дожидаяочисѣ,
— Держимъ народу великъ обѣтъ:
— Ошдашъ землю свѣтло-русскую,
— Принятъ отъ тебя вѣру крещеную.
«Пріемлетъ онъ, Георгіи Храбрый,
«Ту землю свѣтло-русскую
«Подъ свой великъ покровъ;
«Утверждаетъ вѣру крещеную
«По всей землѣ свѣтло-русской».

Все это великое дѣло устроения Земли Сѣверовосточной и утверждения въ ней вѣры христіанской Георгій совершаетъ съ благословенія матери своей Софьи, т.-е. христіанской мудрости.

«Государыня моя матушка,
«Святая Софья Премудрая!
«Воздай мнѣ свое благословеніе.
«Поѣду я по всей землѣ свѣтло-русской
«Утвердитъ вѣру христіанскую.
«Свѣту-Егорю матѣ глаголетъ:
— Ты поди, чадо милое,
— Ты поди далече, во чистыя поля!
— Ты возьми коня богатѣврскаго
— Со двѣнадесять цѣней желѣзныхихъ
— И со сбурую богатѣврскою,
— Со вострымъ копьемъ со булатнымъ,
— И со книгою со Евангеліемъ».

Мудрость христианская не то, что хитрость чародейская, языческая: та опутывала народное сознание всевозможными страхами; всюду предносились темные силы: лѣшіе мхи, лѣшія болота, лѣшія озера. Но вопль Егорія Храбрый пропориал себѣ путь по Русской землѣ, и всюду появился крестъ — сокрушитель темной силы: безстрашно и спокойно, подѣбно его, совершалось заселение необъятныхъ пространствъ, пугавшихъ воображение всевозможными лѣшими.

Въ такихъ богатырскихъ очертаніяхъ изображается народнымъ пѣснотворчествомъ (Георгій) Юрій Долгорукой († 1157 г.), первый устроитель и колонизаторъ Сѣверовосточнаго края. Въ ряду другихъ городовъ Суздальской земли, онъ положилъ основание и городу Москвѣ, будущей столицѣ православнаго Русскаго Царства.

Представителемъ государственной идеи въ этомъ краѣ впервые является Андрей Георгіевичъ Боголюбскій (1175 г.).

Онъ былъ организаторъ и просвѣтитель Сѣверной Руси, которая училась молиться въ созданномъ имъ дивномъ храмѣ во Владимірѣ на Клязьмѣ. Московскіе Государи, потомъ собравшіе въ своихъ рукахъ эшу Русь, заслонили собою образъ этого своего отдаленнаго предка, полагавшаго первые камни въ основание ихъ Государства. Вспомнимъ эптоу величавый и суровый образъ, мелькающий предъ нами въ сумракѣ вѣковъ отдаленныхъ. А его есть чѣмъ вспомнить намъ благодарнымъ воспоминаніемъ. Онъ пришелъ изъ южной Руси сюда на сѣверъ, когда здѣсь едва начинало пахнуть Русью, когда всѣ силы Русскаго народа еще работали на югѣ. Андрей былъ первымъ изъ русскихъ князей, который почувалъ, что дикіе враги не дадутъ этимъ народнымъ силамъ долго тамъ работать, что русская жизнь должна скоро оплечь подалше отъ степей, на берега Клязьмы, Москвы и верхней Волги. И онъ пошелъ навстрѣчу этому опливу, готовывая его, и принялся устроитъ русскихъ переселенцевъ въ ихъ сѣверномъ новоселѣбѣ; онъ явился распорядительнымъ хозяиномъ новой Руси въ Залѣсской мужицкой землѣ, строилъ церкви, монастыри, города и села. По выраженію древней лѣтописи «на весь церковный чинъ отверзъ ему Богъ очи сердечныя, бѣль онъ для всѣхъ кормильцемъ и всякому чину любимымъ опцемъ». Онъ самъ гордился тѣмъ, что свою «сѣверную Русь городами и селами великими населилъ и многолюдною учинилъ».

Онъ не только первый угадалъ, куда потечетъ русская жизнь, по указалъ и политическія начала, которыя должны руководить ея новымъ теченіемъ: одно старое религиозное, другое новое государственное. Уходя отъ своего отца изъ южной Руси, онъ не даромъ взялъ и несъ передъ собою, какъ свою пугеводительницу, ту чудотворную икону, которая стала охранительнымъ знаменемъ новаго порядка, заводившагося въ сѣверной Руси. Другимъ началомъ была сильная и мудрая власть: какъ говоритъ лѣтопись «мужество и умъ въ немъ жили; правда и истина съ нимъ ходили; вторымъ мудрымъ Соломономъ былъ онъ». Первый носитель этого начала въ сѣверной Русской землѣ, онъ сталъ первымъ его мученикомъ. Тогда на Руси еще не понимали такой власти, не знали ея цѣны. Придворные люди князя Андрея, не вѣдя ея сирогости, составили заговоръ пропить него, и онъ палъ жертвою того политическаго начала, которое потомъ легло въ основание Русскаго Государства. Это и понятно, какъ продолжаетъ древняя лѣтопись словами отца Церкви: «гдѣ нѣтъ подвига, тамъ нѣтъ и вѣнца; гдѣ нѣтъ сираданія, тамъ нѣтъ и воздаянія; ибо всякій держащийся добродѣтели не можетъ обойтись безъ многихъ враговъ».

Вспоминая этого первого строителя и спрдальца государственнаго порядка въ сѣверной Руси народъ (особенно въ бѣвшихъ его вопчинахъ) и донинѣ обращается къ нему съ молитвенными словами: «Ты же, Спрасноперче, молися ко Всемогущему Богу даши миръ мірови»¹⁾.

Кормилица-Волга была тогда во власти поганыхъ вороговъ. Здѣсь, при устьѣ Камы, царили болгары, сыны сквернаго Ахмета, а при устьѣ Оки—поганая мордва—языческое чадо. Тѣ и другіе народы цѣлые вѣка обладали Волгою—этимъ жизненнымъ нервомъ Руси, проникали въ Русскія владѣнія и грабили жипелей. Вотъ почему всѣ политическія думы и заботы первыхъ преемниковъ Андрея были направлены на Воспочную окраину съ кормилицей-Волгой. Уже братъ Андрея, Всеволодъ, по народному прозванію «Большое Гнѣздо», ставилъ своей задачей поколебать Болгарское царство и дѣлалъ нападеніе на камскихъ болгаръ. Побѣда одержанная надъ ними въ 1182—1184 гг. произвела не только на Сѣверѣ, но даже въ Кіевѣ сильное впечатлѣніе, которое долго переживалось; множество захваченныхъ имъ плѣнниковъ сдѣлало могущество его на Волгѣ знаменитымъ. Пѣвецъ похода Игоря, обращаясь къ Всеволоду, указываетъ на эту волжскую побѣду и выражаетъ убѣжденіе, что если бы Всеволодъ захотѣлъ, то сумѣлъ бы отстоять и Кіевскую Русь отъ поганыхъ половцевъ, и на Дону онъ былъ бы такъ же побѣдоносенъ, какъ на Волгѣ, и здѣсь плѣнники были бы дешевы, какъ тамъ.

Такъ славно было могущество заокскаго князя Всеволода на волжскихъ водахъ. Сынъ его, Георгій Всеволодовичъ, слѣдуя завѣту своего отца, былъ въ постоянной борьбѣ съ камскими болгарами и приокскою мордвою и какъ нельзя блистательнѣе завершилъ его задачу именно тѣмъ, что положилъ основаніе Нову-граду Земли Низовскія, какъ крѣпкому оплоту власти и могущества Руси на Волгѣ.

Во всѣхъ великихъ дѣлахъ и начинаніяхъ государственнаго созиданія въ Русской исторіи, рядомъ съ Государственною властью, въ противоположность исторіи Запада, заодно дѣйствуетъ и сила Церкви. Историческое преданіе всегда закрѣплялось у насъ благословеніемъ церковнымъ. Такъ было и при основаніи Нижняго Новгорода. Великій князь Георгій, вмѣстѣ съ епископомъ Симономъ, избираетъ мѣстность для построенія города и съ его свяшинельскаго благословенія полагаетъ ему основаніе, созидая храмы: «да возсіяетъ Христова благодать надъ странами поганой мордвы и бусурманскихъ болгаръ». Такимъ образомъ, при самомъ зарожденіи Нижняго Новгорода, свѣтлая политическая идея сливалась съ святымъ чувствомъ православною вѣрью; государственная мысль проникалась религиознымъ одушевленіемъ, и быть можетъ, здѣсь кроется тайна того высокаго патріотизма и той благочестивой отзывчивости, которые не разъ и съ такою поразительною силою проявлены въ нашей исторіи сынами Нижняго Новгорода, попомками первыхъ гражданъ великаго князя Георгія Всеволодовича²⁾.

На Какѣ разъ навсегда рѣшилась судьба Кіевской Руси. Явилась сила татарская, а подъ нею погибла Русь богатырская. Погромъ коснулся и Руси Суздальской. На берегахъ Сипи снята была голова и съ Георгія Всеволодовича, которую съ трудомъ потомъ отыскали. Казалось, погасла свѣча

¹⁾ Изъ рѣчи, произнесенной мною во Владимирѣ на Клязьмѣ, на торжественномъ актѣ, 29 септ. 1891 гсдз по случаю рещавраціи Владимірскаго Успенскаго собора.

²⁾ Изъ моей рѣчи въ день чествованія семисотлѣтней памяти основателя Нижняго Новгорода вел. кн. Георгія Всеволодовича († 1189—1889 гг.).

государственная. Новые возникшие здесь политические центры склонили свои головы предъ Золотой Ордой и въ своихъ усобицахъ другъ предъ другомъ искали милостей ханскихъ. Князья размножились, уединились и вмѣсто единого Государства, появились малыя и большыя, богатыя и убогыя воеводины, у коихъ была лишь одна цѣль—«сдоложны эти хлѣбушки и сытыя гостибища».

Но вопъ въ Москвѣ, ничтожномъ городкѣ, основанномъ, какъ выше сказано, Юріемъ Долгорукимъ, зародилось и поспешно возрастало Русское великое Царство. Географическое ея положеніе и захваченная ею рѣка Москва содѣйствовали ея заселенію и торговымъ связямъ, но совѣмъ не это возвысило ее въ глазахъ народныхъ массъ и не это сдѣлало ее нравственнымъ и политическимъ центромъ Россіи. Народныя прозвища, усвоенныя первымъ Московскимъ князьямъ, указываютъ на главныя ихъ стремленія: Иванъ Калита (1328—1341 гг.) (Кохель) собиралъ матеріальныя средства и расширилъ предѣлы своего удѣла, а сынъ его Симеонъ назывался Гордый (1341—1353 гг.), ибо опираясь на богатство и силу, держалъ въ рукахъ подручныхъ князей. Въ завѣщаніи своемъ онъ напоминалъ своимъ преемникамъ блюсти намѣченный имъ путь, чтобы памятъ о нашихъ отцахъ, говорить, и о насъ не изгладилась и чтобы свѣща не погасла, т.-е. единая идея не пошухла. Народная пѣсня сохранила преданіе о крупномъ и державномъ характерѣ его даже въ собственной семѣ.

«Сидѣлъ путь Симіонъ-Государь:
«Онъ игралъ въ цимбалы золотыя.
.....
«Подоспѣли Анна послушала,
«Отоспѣли она заплакала:
«Какъ привыкла къ обычью Симіонову,
«Ко пняжелому праву Ивановичеву».

Мы не говоримъ уже объ его братѣ Иванѣ Красномъ (1353—1359 г.), о которомъ народная памятъ сохранила лишь то, что онъ былъ «красавецъ».

Своимъ нравственнымъ и вмѣстѣ политическимъ возвышеніемъ Москва обязана главнымъ образомъ вліянію церковному. Св. Пейръ митрополитъ перенесъ свой святилищскій престолъ изъ Кіева въ Москву и черезъ то сдѣлалъ ее прежде всего столицей православія и устремилъ взоры всѣхъ разрозненныхъ областей на нравственный образъ великаго Московскаго князя какъ предсавителя всенародной русской вѣры. Онъ благословилъ Москву и предсказалъ ея князю, что «отъ его племени не оскудѣютъ державныя и вздуютъ руки ихъ на плещу враговъ ихъ». И этотъ крестъ животворящаго древа, которымъ онъ благословилъ Московскіе князья, въ родѣ Калиты, преемственно передавали другъ другу по своимъ завѣщаніямъ, какъ драгоценное наследіе и историческую святыню.

Но еще глубже и всеобъемлюще была дѣятельность въ этомъ направленіи митрополита Алексія, изъ знанной боярской семы Пещеевыхъ. Главнымъ орудіемъ былъ для него преподобный Сергій Радонежскій и его иноческая школа. Несмотря на то, что Московскому князю Дмитрію Ивановичу было не больше 10 лѣтъ, владыка Алексій, пользуясь уваженіемъ въ Ордѣ укрѣпимъ за нимъ великое княжесте и дѣйствовалъ неизмѣнно въ его пользу своимъ авторитетомъ. Изъ обители Сергіевой ученики разошлись въ предѣлы Суздальскіе, Ростовскіе и Бѣлозерскіе. Въ отдаленныхъ углахъ сѣверо-востока появились колонизаторы и просвѣтителы, кои, находясь въ жи-

вомъ общеніи другъ съ другомъ, представляли собою цѣлый нравственновластный міръ, къ коему обращены были взоры не только сель и деревень, но и городовъ и обласней. И міръ энопъ, въ лицѣ иноковъ, соспоая изъ бояръ, клириковъ, купцовъ и креснбьянъ. Дмипрій Донской, цѣня значение энихъ людей, со многими входилъ въ непосредственныя сношенія и оказывалъ такое внимаше, коему дивились окружающіе. Народный взоръ опъ міра энихъ подвижниковъ невольнo устремлялся къ великому князю Московскому и видѣлъ въ немъ блюстителя народной вѣры и ревнишеля благочестія. Монастыри и пустыни, основанные учениками преподобнаго Сергія въ лѣсахъ и дебряхъ, спановились такимъ образомъ узлами, связывавшими нравственно обласпи съ Москвою и выдвигали Московскаго князя, какъ носителя и представителя народной вѣры.

Съ другой споронъ въ силу того же значенія Московскаго великаго князя возникло сосредоточене въ Москвѣ нравственныхъ силъ изъ дальнихъ уголъ и краевъ Россіи, изъ предѣловъ липовскихъ, гдѣ вѣра и совѣснб терпѣли спѣсненіе. «Въ шо время,— читаемъ въ одномъ житиі,— Кіеву обладану бывшу богомерзкою латвіною, мнози погда духовнии мужи опходяптъ опъ Кіева, а касаюшся нресловущаго града Москвы, слышано бо бѣ, яко тамо подъ державою великаго князя, непоколебимо и непорочно блюдеица благодапшо Христовою христианская православная вѣра»¹⁾.

Въ силу этого нравственного пнягопшнѣя, Москва во всенародномъ сознаніи выросла настолько, что спилоо поднятъ ей знамя освобожденія опъ поганыхъ православнаго креснбьянснва, чтобы подъ нимъ собралась вся сѣверовосточная Русь на энопъ кресноносный подвигъ.

И чѣмъ пняжелѣ была вѣковая «исптома» опъ татарскаго ига, тѣмъ всеобдержнѣе и горячѣе ощущалась потребность облегченія и освобожденія.

А исптома была шаква, что опъ нея «хлѣбъ не шель во уста и, казалось, спонала самая земля». Какой ужась производили въ свое время татарскія нашествія, объ эномъ сообщаетъ былина о царѣ «Калинѣ».

«Зачѣмъ мать сыра земля не погнется?
 «Зачѣмъ не разступится?
 «А опъ пару было опъ коннаго,
 «А и мѣсяць, солнце померкнули,
 «Не видаптъ луча-свѣта бѣлаго,
 «А опъ духу татарскаго
 «Не можно кресненымъ намъ живымъ бѣптъ».

Какъ хозяйничали татарскіе послы, эно видно изъ былины о Щелканѣ Лудентѣвичѣ:

«У кого денегъ нѣптъ,
 «У того дитя возьметъ;
 «У кого дитя нѣптъ,
 «У того жену возьметъ,
 «У кого жены нѣптъ,
 «Того самого головой возьметъ».

Но воиъ часть для освобожденія наспалъ: великая замятня въ Ордѣ. «Божимъ бо гпѣвомъ попускаемъ избиваюиися», кратко и знаменательно опмѣпилъ лѣнописецъ.

¹⁾ Въ житиі Спешана Махрищскаго.

На полѣ Куликовѣ совершился судъ исторіи. Не «слава князю, не честь дружины двигали Русской силой въ этомъ бою: глубокое смиреніе и крѣпкая вѣра въ Бога начертаны были на знамени русскомъ». Князья Суздальскіе, Ростовскіе и Бѣлозерскіе, слѣдуя пягопѣніямъ народной массы къ единенію и свободѣ, спояли подѣ московскимъ знаменемъ Донского. Великій пустынникъ Сергій благословилъ Дмитрія пойти на пашарь, напустившаю объѣмомъ, что Богъ ему поможетъ и Св. Троица, и первѣмъ героемъ Куликовской славы былъ Сергѣевъ оружникъ, схимонахъ Александръ Пересвѣтъ. Побѣда надъ врагами на полѣ Куликовомъ одержана неслыханная: она тогда же называлася «всеславнымъ чудомъ». «Оступило время отъ нихъ; Господь съ нами», воспорженно отпѣпиль дѣпоисецъ.

Москва увѣнчалася новѣмъ величѣмъ, насколько это великое дѣло было «всенароднымъ». Великій князь Московскій, какъ герой этого побоища, выросъ въ народномъ сознаніи, какъ великій спояшедъ за вѣру и свободу всей земли Русской, какъ князь спраспоперецъ, прославленный самимъ Богомъ: «Господь Богъ одинъ вожаще его». «Умоли убо, Святые, о родѣ своемъ и за вся люди», обращались къ нему современники.

Вошъ въ какой глубоко-образной и необыкновенно-поэтической картинѣ рисуется Дмитрій Донской.

«Паканунѣ субботы Дмитріевской
«Во соборѣ во Успенскомъ,
«Обѣдню пѣлъ Кипріанъ святой.
«За обѣдней былъ Дмитрій князь
«Со благовѣрною княгиней Евдокією,
«Со князьями ли, со боярами
«Со пѣми со славными воеводами.
«Передъ самой то было передъ «Доспойной»,
«Пересталъ князь Дмитрій молиться.
«Ко столбу прислонился,
«Умомъ князь Дмитрій изумился,
«Открылись его душевныя очи,
«Видитъ онъ дивно видѣше:
«Не горятъ свѣчи предъ иконами,
«Не сияютъ камни на златыхъ окладахъ,
«Не слышитъ онъ пѣнія святого,
«А видитъ онъ чистое поле,
«То ли чистое поле Куликово.
«Изусплаено поле мершвыми пѣлами
«Христіанскими да татарскими:
«Христіане-то какъ свѣчки шѣпляшяся,
«А татары-то, какъ смола, черны.
«По тому ли по полю Куликову,
«Ходитъ сама Мать Пресвятая Богородица,
«А за ней Апостолы Господни,
«Архангелы, Ангелы святыя,
«Со свѣтлыми свѣщами,
«Отпѣвають они мощи православныхъ,
«Кадитъ на нихъ сама Мать Пресвятая Бого-
родица,
«И вѣнцы съ небесъ на нихъ сходящя.
«Вопросила Мать Пресвятая Богородица:
— А гдѣ-жь да князь Дмитрій?
«Отвѣщилъ ей Петръ Апостоль:
— А Дмитрій князь въ Московскомъ градѣ,
— Во святомъ Успенскомъ соборѣ,

— Да и слушаешъ обѣдню полуденную.
«И рече Машъ Пресвятая Богородица:
— Ис въ своемъ Дмитрии князѣ мѣстѣ:
— Предводишь ему лики мучениковъ,
— А его княгинѣ во моемъ стадѣ.
«Туть явленіе пропало:
«Свѣчи въ храмѣ загорѣлися,
«На окладахъ камни засіяли».

Итакъ, по народному воззрѣнію, герою Мамаева побоища нѣтъ мѣста на землѣ: ему достопитъ предводительство надъ небесными ликами мучениковъ: его воинѣ, погибше въ праведномъ бою за Вѣру и Родину, увѣнчаны неземными, небесными вѣнцами; ихъ жертва яркою свѣчею теплится предъ Богомъ. Наконецъ, вся эта торжественная побѣда превращается въ одно великое чудо. Таковъ многозначительный приговоръ народа: эпитетъ приговоръ есть высшее возможное для него преклонение предъ совершившимся фактомъ его исторической жизни.

Змѣй Орды оспался еще живъ, но жало его опныиѣ прицуплено навсегда. Онъ могъ еще клеветать, но лишь внезапно и исподтишка. Рога буйвола сломаены; хотя онъ и продолжалъ бодаться, но то было уже не страшно. Русский народъ почуялъ себя свободнымъ и беспарнымъ.

Въ 1383 году послѣдовало новое утѣшеніе неба въ народныхъ скорбяхъ: въ небесномъ сіяніи, надъ Ладожскимъ озеромъ явилась икона Богоматери, отсюда пронеслась по воздуху и остановилась надъ Тихвинѣмъ. Громадное впечатлѣніе произвело это явленіе на народныя массы и принято ими какъ новое благословеніе свыше на чело Куликовского героя.

Нравственное приращеніе къ Москвѣ народной массы, при посредствѣ проицкихъ пустынниковъ, разсѣявшихся по всему сѣверовостоку, и возвышенный авторитетъ Московскаго князя, какъ вождя православнаго народа, не мало содѣйствовали и внѣшнему политическому объединенію Московскаго Государства. Начатое Дмитриемъ Донскимъ это собираніе земель завершилось при Іоаннѣ III. Всего легче Москвѣ получить было Ярославль и труднѣе всего подчинить было ей Новгородскую республику.

Достойно вниманія, что правнукъ Феодора Ростиславича, Александръ Феодоровичъ былъ послѣднимъ Ярославскимъ княземъ. При немъ былъ прославленъ прадедъ его Феодоръ Ростиславичъ съ чадами и при немъ же совершилось окончательное присоединеніе Ярославскаго княжества къ Московскому Государству. Извѣстно, что Московію Ростовъ былъ купленъ, Тверь была завоевана, Рязань была захвачена главнымъ образомъ путемъ родственныхъ союзовъ. Ярославль же подчинился Москвѣ въ силу нравственныхъ и политическихъ принциповъ.

Въ ту пору, когда на княжескомъ сподѣ въ Ярославлѣ сидѣлъ правнукъ Феодора Ростиславича, Москва выросла уже такъ, что борьба съ нею становилась немислимою, главнымъ образомъ по тому нравственному авторитету, какой она приобрѣла въ народной массѣ. Начиная съ Петра митрополита, церковъ вступила съ нею въ союзъ и поддерживала ее спремленіе къ объединенію. Куликовская битва, какъ мы изобразили выше, носившая священныи характеръ, явилась громаднымъ оживляющимъ и ободряющимъ фактомъ,—фактомъ, который рабу далъ почувствовать себя свободнымъ.

Школа Сергія Радонежскаго, распространившая учениковъ подвижничества и пустынниковъ по всѣмъ дебрямъ и лѣсамъ Сѣвера, нравственнымъ

влиянием притянула к себе и через себя к Москвѣ, какъ всероссийскому духовному центру, финскія племена и всенародную массу.

Естественно, что все это видѣлъ и понималъ послѣдній Ярославскій князь Александръ Θεодоровичъ. Какъ правнукъ Θεодора Ростиславича, онъ носилъ въ душѣ своей преданіе своего Дома. Умирая, святой прадедъ его далъ завѣщъ своему потомству: «живите въ единствѣ мира и союзѣ любви; аще кто изъ васъ несоблюдеть моего слова, опъ того отыдетъ мое благословеніе».

Но особенно громадное впечатлѣніе должно было произвести на внутреннее настроеніе князя Александра открытіе мощей его прадеда. Когда гробъ Θεодора Ростиславича, много лѣтъ стоявшій подъ церковно, хотѣли опустить въ могилу и схоронить его въ сырой землѣ, вдругъ вѣра въ него свершила чудо. Можно себѣ представить, какими живыми чувствами была охвачена въ эти минуты душа князя-правнука. Не только самъ онъ, а и духовенство и боярство были объяты священнымъ трепетомъ и восторгомъ, проливали слезы умиленія, воздвѣвали руки къ небу и восклицали: «слава Тебѣ, Владыко, Царю прещедрѣй, что не лишилъ еси насъ такого сокровища!» Народъ, узнавшій о случившемся, массою двинулся въ Ярославскій Спасскій монастырь, чтобы поклониться новоявленнымъ чудотворцамъ.

Возможно ли думать, чтобы князь Александръ Θεодоровичъ, жившій благочестивымъ предшестемъ своего рода, пережившій сердцемъ и всею душою прославленіе самимъ небомъ своего прадеда — Θεодора Ростиславича, не носилъ въ душѣ своей расположенія къ Москвѣ, къ всенародному и всероссийскому, нравственному и духовному центру? Возможна ли была въ его положеніи даже одна мысль о борьбѣ съ Москвою за какія-то въ то время уже незначительныя права наследственныя?

Особое обстоятельство еще болѣе привлекало его сердце къ Москвѣ, какъ къ церковному и политическому центру.

Мѣстная епархіальная власть не хотѣла или колебалась признатъ за святыхъ его прославленныхъ предковъ.

При внутренней о томъ скорби, ему, естественно, пришлось искать утѣшенія въ Московскомъ Кремлѣ. Нѣтъ прямого о томъ письменнаго свидѣтельства, но извѣстно, что супруга князя Александра Θεодоровича собственными руками вышила пелену съ изображеніемъ Θεодора Ростиславича и чады его Давида и Константина и принесла ее въ даръ Москвѣ первопрестольной.

И дѣйствительно, мы видимъ, что даже въ XVI вѣкѣ свѣжо было народное преданіе о Θεодорѣ Ростиславичѣ въ Московскомъ Кремлѣ. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный, въ своей перепискѣ съ Курбскимъ, упоминалъ, что Θεодоръ даже въ Пасху проливалъ кровь для защиты Государства, но это не помѣшало ему сдѣлаться святымъ и чудотворцемъ. Любопытно, что знающій фактъ о пролитіи имъ крови въ Свѣтлый день Пасхи нигдѣ не упоминается въ историческихъ источникахъ; очевидно это было преданіе, жившее въ Московскомъ княжескомъ домѣ, и заимствовано изъ какой-либо пѣсни или сказанія, полного уваженія къ Θεодору Ростиславичу и какъ къ герою и какъ къ святому. Народная пѣсня издавна славила его какъ святого:

«Во славномъ во градѣ Ярославѣ,
«На чесномъ на княжескомъ престолѣ,
«Сидѣлъ свѣтъ—свяшой Θεодоръ,
«Богатыхъ и сивныхъ не стѣдился,
«Нищихъ и убогихъ не гнушался»¹⁾.

¹⁾ Изъ рѣчи, сказанной въ Ярославѣ, на торжественномъ актѣ въ честь князя Θεодора Ярославича.

Неудивительно, что при таких обстоятельствах на одном из Московских соборов Теодор был причислен к лику святых всероссийских.

Итак, Ярослав добровольно присоединился к Москвѣ попому, что в лицѣ правнука Теодора Ростиславича, князя Александра, онъ лучше другихъ понималъ всенародное и всероссийское значение ея, какъ нравственнаго церковно-государственного центра. «Ярославъ городокъ сталъ Москвѣ уголокъ».

Но не такъ легко совершилось присоединение къ Москвѣ Великаго Новгорода. Разъединенный республиканскою партипностью, обезсиленный внутри, онъ долженъ былъ для поддержания своего существованія искать поддержки извнѣ, и если люди простые съ русскою совѣстью тянули къ Москвѣ, какъ центру православія, то знатные бояре, думавшие только о своихъ вольностяхъ, искали для нихъ поддержки у Лаптинской Липвы.

Послѣ разгрома Новгорода Василиемъ Темнымъ усилились эти послѣдніе замыслы. Въ ряду бояръ липвоманей заражена была особенно семья Борецкихъ, семья богатая, обладавшая широкими земельными пространствами на Поморскомъ Сѣверѣ, въ сосѣдствѣ съ Соловецкими угодьями. Знаменитая Марѳа-посадница давала пиры, ликовала Новгородская вольница, а Соловецкій спарецъ Зосима, видя среди нихъ оскудѣние православнаго чувства, предвидѣлъ ожидающую ихъ конечную гибель.

«Не могу разобрать ейнаго родесловія,—говорилъ намъ Иванъ Федосовъ, по-естъ рассказать во всѣхъ подробностяхъ жизнь Марѳы-посадницы,—а знаю только, что домъ ея запустѣлъ отъ того, что пало на главу ейную проклятіе Изосимы преподобнаго Соловецкаго чудотворца». Однако Федосовъ сообщилъ нѣкоторыя любопытныя черты, относящіяся къ ея характеру и положенію ея среди Новгородскаго такъ называемаго народопрасва. Падеше Новгорода въ его рассказѣ, конечно, объясняется эпически, какъ Божья кара за неправду и кривду народныхъ правителей. Присутствіе Изосимы Соловецкаго на обѣдѣ у Марѳы-посадницы и видѣніе сидѣвшихъ съ нимъ бояръ безглавыми было столь общезвѣстно въ народѣ, что внесено даже въ житейникъ Соловецкихъ чудотворцевъ, хотя и не въ столь опредѣленныхъ очертаніяхъ.

«Марѳа-посадница славна была пирами да пирогами; хлѣбъ, соль на столѣ, вино и брага на подносѣ; пей, бѣшь, веселися, только ее слушайся, а Бога она не знала и святые ей нипочемъ. Во великую Софею ходила, а гордую поступь держала и выше всѣхъ себя почитала. Соловецкая Сума подъ рукой ея была, и держала она крестьянъ у себя, и правила ими, какъ своей рукавицей.

«Жилъ на этой Сумѣ угодникъ Божій Изосима, родомъ изъ Толвуи, но людно ему было. Переѣхалъ онъ на Соловецкій островъ—и вотъ первое было чудо. Сталъ онъ тамъ проситья у ловцевъ честно и хорошо: «Рыболовы, дайте мнѣ сей островъ на житіе». Рыбари не соглашались; «не можемъ дать, говорятъ; намъ это мѣсто пристойно для рыбной ловаи». Проситъ Бога неопеспунно Изосима, и вотъ Богъ съ неба гласъ гласитъ слугамъ своимъ, по его молению: «накажите вы жены этихъ рыболововъ и сдадутъ рыбное мѣсто Изосиму». И два мужа свѣтлообразны были эти жены до кровавыхъ ранъ. И рыбари согласились сдать мѣсто Изосиму. И началъ онъ тушь житбе расширять. Вотъ и иное еще чудо. Въ Займищѣ на Соловецкомъ острову остался братъ Изосимы, по плопи Германомъ зовущъ; въ вечеру хлѣба нѣтъ, а спало зимѣтъ. И вотъ проситъ онъ хлѣба у Бога.

Поупру выходить на улицы: стоить кережка¹⁾ съ хлѣбомъ у врагъ его келби. Елико Германъ возрадовался: «слава Тебѣ, Господи», воскликнулъ онъ и пѣмъ могъ онъ зиму житѣ.

«И вопъ сей святой спарець, пакъ прославленный Богомъ, Изосима приходитѣ, но гласу Божью, къ Марѣ-посадницѣ въ Новгородъ. Бояра и князи собраны у ней, по ея хощѣню. Марѣ-посадница елико обрадовалась гостѣю съ подѣвверной споронѣ: «откуда, говоритѣ, мнѣ счастье великое? Кто послалъ тебѣ, богобоязненный спарець, откуда, говоритѣ, далъ Богъ ангела хлѣба покунать?» Спарець Изосима поясняетѣ и благословляетѣ ее въ своемъ домѣ. «Богъ тебѣ благословитѣ и Божья благодать да на тебѣ будетѣ!» Марѣ-посадница зоветѣ его на обѣдъ: «пища у меня на столѣ набраная, и князи и бояре вкупѣ собраны, благослови, опче, пицу ѣсть и пить». И благословилъ Изосима Соловецкѣи пицу съи и пить. Сидящъ на пиру всѣ князи и бояра, ѣдаятъ они—наѣдаются; пьютъ они—напиваются, разговорами забавляются. Сидитѣ Изосима, припаиася въ нереднемъ угау; подиялъ онъ главу свою честную, воззрѣлъ онъ окомъ своимъ яснымъ на этихъ гостей на пимущихъ: вси-то они безъ головъ сядящъ, не виномъ-то они напиваются, они кровью вси обливаются.

«Возскорбѣлъ спарець и опъ пуги прослезился: жаль ему стало князей и бояръ, жаль ему стало Великаго Новгорода. Отобѣдали и начали благодаритѣ Марѣ-посадницу за благо ея—за добро. Тутъ подходитѣ къ ней спарець Изосима и умильно ей возговоритѣ: «ай-же, ты раба Божья, Марѣ-посадница: благослови ты мнѣ Соловецкую Суму къ Соловецкому острову на спранныхъ прибѣжище, убогихъ пропитание и брати на спасенѣ». Тутъ отвѣтъ держала Марѣ-посадница: «не могу датѣ Сумы Соловецкой, Сума мнѣ самой надо-бѣ». И жаль ей стало Сумы Соловецкой; не рада была она великому гостю и поскупилася она для Ангела Божья. И видитѣ Изосима, что «кривда сидитѣ въ Новгородѣ, а правда на небо взята». И скажетѣ онъ послѣднее слово: «опъ моего здѣсѣ быванія домъ сей Марѣ-посадницѣ быдѣ пустѣ, и въ жилищѣ этомъ живой человекъ не живи!» Такъ и спало по слову его. «И поемъ Тебѣ славу Божию», закончилъ сказашель.

Это эпическое сказание весьма характерно для новгородскаго боярства. Оно проглядѣло, что новгородскія колонии, обонежскія и поморскія, уже давно своею совѣстью тяготѣютъ къ Москвѣ, какъ церковно-государственному центру, и если Новгородъ уклонялся отъ Москвы къ Литвѣ, то онъ дѣлалъ себя чрезъ это безсильнымъ и одинокимъ, лишая себя поддержки собственныхъ колоній. И въ спранныхъ Новгородскихъ погромахъ со споронѣ Московскихъ собирателей Руси тѣ же самыя колонии видѣли достойное возмездіе за измѣну и предательство. Новгородъ до дна испилъ свою чашу за измѣну вѣрѣ и политическую кривду.

Замѣтимъ, что какъ и при Димитри Донскомъ, и нынѣ многіе православныя князья, не желая оставатѣся подѣ властью Литвы, изъ ревности къ православию, съ громадными вотчинами по Днѣпру и Деснѣ, сами спѣшили подѣ властвѣ великаго Московскаго князя.

Велика и обширна стала вотчина Московскихъ Государей; необъятно стало ихъ значеніе, какъ носителей и представителей единства всенароднаго русскаго духа. Но мировыя событія еще болѣе подняли ихъ властвѣ и возвысили ее до вселенскаго значенія.

¹⁾ Корзина.

Замѣчательно, что въ 1439 году Московскій великій князь, отправляя на флорентинскій соборъ митрополита Исидора, пребывавъ отъ него, чтобы онъ принесъ съ собора по православію, какое князь Кіевскій Владиміръ принялъ отъ грековъ, то-естъ чтобы описывалъ онъ Русскую православную вѣру.

Еще когда собирався онъ во Флоренцію, «возбранихомъ и молихомъ его,— говорилъ великій князь,— оставиши сего собора, и не могахомъ умолиши... и глаголахомъ ему: «аще ли идеши и паки возвратишися къ намъ, ничто же приноси къ намъ ново и чужде Соборныя Церкви». Самъ Греческій императоръ Іоаннъ Палеологъ, по русскому сказанію объ этомъ соборѣ, торжественно указывалъ Западнымъ и Восточнымъ іерархамъ и самому Римскому папѣ, что «въ Руси болѣе православіе и вышнее христіанство, и попому называлъ Московскаго великаго князя своимъ братомъ и величалъ его Царемъ боговѣнчаннымъ: «Ему Великому Государю Василью Васильевичу,— говорилъ онъ,— восточныя царіе прислушаютъ и велице князи съ землями служатъ ему; но смиренія ради не зовется Царь, а великимъ княземъ своихъ земель православія».

Восточными императорами и патриархами Флорентинская унія была принята, но возвратившись въ Москву уніатъ митрополитъ Исидоръ былъ признанъ здѣсь измѣнникомъ православію и помянутъ лишенъ былъ Московскаго престола: «яко гнилъ убо уды извержеса».

Сильное смущеніе умовъ произвели эти событія на Востокъ и у насъ.

Переписка Василія Темнаго съ Востокомъ по поводу сего событія въ высшей степени замѣчательна.

«Увы! Колика прелестъ постиже царя Греческаго, — писали на Русь, великому князю Аѳонскіе иноки.—Увы! Колика тѣма и пуга постиже царствующій градъ и церковь соборную злосовѣтнемъ властель и неисповѣихъ свяпитель!.. И хто убо, во всемъ родѣ другіи іеремія, уже тогда о паденіи людей слезы проливаше, достойнѣ да восплачетъ греческаго паденія, уже послрада дьявольскимъ наводеніемъ... И мы убо, любимицы, того патриарха и царя изъ обычна помяна извергохомъ... Слышахомъ отъ инокъ, яко и вы крѣпцѣ сохраняете вѣру непорочную отъ семи соборъ Богомъ составлену и того (Исидора уніата) волка, а не свяпителя... онъ средѣ себе и снада Христова изринувше, яко сквернишеля непорочныя вѣры и смущишеля православнымъ христіаномъ».

«Зѣло прославихомъ Бога, яко еше крѣпцѣ спюите въ предаиномъ отъ апостолъ православію», отвѣчалъ имъ Московскій великій князь и указывалъ въ свою очередь, какое смущеніе произвелъ этотъ соборъ въ Россіи.

«И у насъ,— продолжалъ онъ,— души многихъ, яко волны морскія колеблюцися, паче же сердца проснѣихъ (людей) недоумѣвахуся... не доспойно сей соборъ нарицани, но дѣтей игралище... и той самѣи споданъ (Самодержецъ царствующаго града), зланиомъ пореваемъ, поколебася, и воистину глаголемъ, что естѣ люфтѣше сего паденія!»

«Тамо злу бывшу Царемъ Иваномъ сребролюбивыми греками и митрополитами,— читаемъ въ упомянутомъ Сказаніи,—здѣ же, на Москвѣ, утвердися православіемъ Русская земля великимъ княземъ Васиіемъ Васильевичемъ».

Еще болѣе подавляющее впечатлѣніе произвело у насъ паденіе Константинополя въ 1453 году. Оно, какъ видно изъ помянутой письменности, объяснялось именно измѣною православію Греческихъ царей и патриарховъ. «Гре-

ческое царство, писалъ инокъ Филофей къ дьяку Мисюру, раззорилось и не созиждется, понеже греки предали греческую вѣру въ лапшество».

Царское (Цесарское-Императорское) достоинство, созданное политическою жизнью властителей міра, римлянъ, было достояніемъ православногo христианскаго государя, которому принадлежало покровительство Вселенской Церкви и которыи въ этомъ качествѣ получалъ отъ нея высшее религиозное освященіе.

Такимъ царствомъ для всего православнаго Востока прежде была Византийская имперія. Но воля она пала сначала духовно чрезъ Флорентинскую унію, а потомъ и вслѣдствіе того политически. Кто же наследникъ царственнаго достоинства Византии, Царяграда и новаго Рима?

«Нынѣ убо въ послѣднихъ временахъ, богопросвѣщенная земля Русская, — воспорженно восклицаетъ авторъ Слова объ осемомъ соборѣ, — шебѣ подобаетъ во вселенной и подѣ солнечнымъ сіяніемъ, съ народомъ истиннаго въ вѣрѣ православія радоватися, наполнившись цвѣтовъ богозрачнѣ цвѣтущихъ храмовъ Божіихъ и, какъ звѣздъ небесныхъ сияющихъ свѣтлыхъ церквей... державою владѣющаго, богослественника правому пути, ревниела истиннаго православія, благовѣрнаго и благочестиваго великаго князя Василія Василевича, боговѣнчаннаго православію всея Руси».

Итакъ, Царство съ Византии должно было перейти на Москву. Два Рима пали; стоишь лишь претій, и послѣдній Римъ это именно Москва.

Есть мнѣніе у новѣйшихъ историковъ, будто понятиемъ Самодержавія выражалось не больше, какъ независимость Руси отъ бывшаго татарскаго ига, и будто другого смысла отнюдь не дается этимъ понятиемъ. Но такое мнѣніе, на нашъ взглядъ, противорѣчитъ исторической истинѣ. Разъ русской исторіей унаслѣдовано Восточное Цесарство, вмѣстѣ съ нимъ существенно воспринято и автократорство. Гдѣ нынѣ Верховной воли, тамъ нынѣ и Цесарства. А гдѣ есть Царь, тамъ есть и Самодержецъ. «Какъ можетъ и Самодержецъ нарещися, аще не самъ строитъ», заявилъ Грозный. Само собою разумѣется, что лишь только та священна и непрерываема Самодержавная воля, которая связана существенно съ строеніемъ царства христианскаго, православнаго. Истинный Самодержецъ (автократоръ) есть Царь—строитель православнѣйшій и благочестивѣйшій.

Этотъ именно священный характеръ Верховной Государственней власти и сближаетъ Царя съ Намѣстникомъ Божіимъ на землѣ, воля котораго сливается съ волею Божіею; шакъ именно воспомнѣнія политическія событія отразились во всенародномъ русскомъ сознани и на его представленияхъ о Русскомъ православномъ Царствѣ и русскихъ православныхъ Царяхъ. Греческія моленія объ автократорѣ спали и русскими молениями о своихъ Самодержцахъ.

Первымъ Самодержцемъ въ этомъ значеніи былъ Іоаннъ III. Хитрые замыслы папы оказались наивными. Женившись на Греческой царевнѣ Софії, погасавшей отрасли Греческихъ императоровъ, Іоаннъ не только не нягостѣлъ къ папству, но самъ почувствовалъ себя Восточнымъ папою. Именуя себя «Государемъ всея Руси», онъ являлся ревностнымъ защитникомъ православія въ Липвѣ, гдѣ подвергалось оно гоненіямъ. Выдавая дочь свою за Липовскаго князя, онъ не только выговорилъ ей право свободнаго исповѣданія греческой вѣры, но даже заявилъ, что она и «своею волею не можетъ отказатся отъ вѣры онцевъ». Но рапуя за вѣру, онъ не особенно уважительно относился къ представителямъ Церкви. Онъ вноргался, напримѣръ,

въ вопросы о чинѣ освященія Церкви—и мишрополишь, съ нимъ несогласный, долженъ былъ оставишь кафедру, что очень ярко отмѣчено въ народной спарообрядческой писменности.

О королевскихъ же коронахъ и пипулахъ, кои западныя императоры раздавали своимъ вассаламъ, онъ отзывался уже съ нескрываемымъ презрѣнiемъ. «Мы Государи на своей землѣ,—говорилъ онъ Цесарскимъ посламъ, предложившимъ ему королевскій пипуль отъ имени Максимилиана,—и поставленія ни отъ кого не хотимъ, потому что нашъ Государь,—добавили попомъ дипломаты,—«такой же Великій Государь, какъ и Максимилианъ». Бракъ съ царевной Софiей еще больше укрѣплялъ его думы о Русскомъ Царствѣ, какъ преемникъ Византiйской империи. Онъ воспринялъ Греческiй двуглавый гербъ, вѣнчалъ внука своего на Царство, самъ называлъ себя иногда Царемъ, и дворъ свой обставлялъ по-царски. Боярская дума въ глазахъ его видимо получила второстепенное значенiе и хотя продолжала дѣйствовать, но съ замѣтнымъ неудовольствiемъ.

Было время, когда на Руси предавали церковному проклятiю тѣхъ, кто не повируется Великой Церкви «еже естъ Софiи Премудрости Божией Папiарху, еже естъ во всей вселеннѣй православнымъ церквамъ правило и мапи», но вошъ сынъ Софiи Палеологъ, Московскiй великiй князь Василий Ивановичъ, вноситъ уже пунктъ въ архiereйскую присягу, которымъ архiereй обязывается не принимать никого, принявшаго священныя санъ отъ папы или въ Царградѣ, и не признавать эпошъ санъ законнымъ. По словамъ иностранцевъ, русскiй народъ въ это время уже равнялъ Царскую власть съ Божественною и о Верховномъ управленiи говорилъ: «про то знаетъ Богъ да Государь». Продолжая государственное строительство своего державнаго отца, онъ велъ его «у своей постели», т.-е. кабинетно при посредствѣ только дьяковъ. Боярская Дума молчала и неговала.

Въ сношенiяхъ съ Максимилианомъ онъ рѣшился даже назвать себя «цесаремъ», но въ Вѣнѣ отказались подписать такой договоръ. Какъ скоро разводъ его съ Соломошей Сабуровой былъ признанъ не каноничнымъ Вассианомъ Патрикiевымъ и Максимомъ Грекомъ, Московскiй «цесарь» пожаловалъ ихъ жестокой опалой. Таково было его отношенiе къ канону и Церкви. На Сѣверѣ народъ помнитъ объ эпошъ обстоятельствѣхъ и даже, вопреки истинѣ, съ жалѣнiемъ указываетъ мѣсто започенiя несчастной Соломони въ одномъ изъ Олонецкихъ монастырей. Быть можетъ, она и дѣйствительно была переведена сюда изъ Суздаля, куда сослана была сначала.

Не въ Кремлевскомъ только дворцѣ, не въ сознании только великихъ князей Цесарство и авиокрапорство основалось на преемствѣ Русскимъ Царствомъ Византiйской империи. Въ житiяхъ Русскихъ Святыхъ съ половины XV вѣка настойчиво проводилась та мысль, что Русская земля—прямая и единственная наследница православнаго Греческаго хрищенства и что хотя она недавно сподобилась святаго крещенiя, но уже «озарилась многими свѣтилами, якоже той превзыши, иже исперва просвѣщенiе приишихъ». Въ XVI вѣкѣ усиливается канонизация Русскихъ Святыхъ, и Русскiя дѣсныя пустыни изображаются не уступающими Виаодамъ, Синаю и Иерусалиму. Собираются все богатства Русской переводной писменности, какъ прямое достоянiе греческаго наследства. И вотъ, наконецъ, великiй Московскiй князь Иоаннъ IV торжественно провозглашаетъ себя Царемъ (Цесаремъ—Самодержцемъ), какъ преемникъ и наследникъ Цесарской Греко-римской империи и приеленъ царскiй вѣнецъ въ соборной Успенской церкви,

по древнему Византийскому чину, съ шашинствомъ муромомазанія, какъ видимъ знаменемъ Божественнаго поспавленія на Царство.

Ошнннѣ Русѣ, какъ наслѣдница Греческаго православія, имѣетъ и Царя, какъ Верховнаго предспавнителя и блюстителя Вселенской Церкви, въ его полномъ священномъ достоинствѣ.

Въ высшей степени любопнншо русское эпическое сказаніе о томъ, какъ знаменія Царской власни, наслѣдія знатнѣйшихъ Восточныхъ царствъ и народовъ, побѣднне профей Георгія Побѣдоносца оказались непрестойными для Греческой имперіи, измѣнившей православію и подпавшей подъ иго мусульманское, и какъ перешли они доспойно на главу Русскаго Царя православнаго, побѣдителя царства шапарскаго, Грознаго Царя Ивана Васильевича.

Еще болѣе для насъ поразительно, что народное сказаніе помнитъ духовника этого царя—Федора Бармина, котораго едва знаетъ исторія. Именно ему, этому духовнику, народный эпосъ усвояетъ добываніе царскихъ утварей съ Востока изъ града Вавилонна—для православнаго Царства Русскаго на главу Царя Грознаго правобрннаго. Сами византийцы выбрали этого царскаго духовника для добыванія этихъ утварей.

«Вышнне люди Царягорода выбрали Федора Барму, чпобы шель онъ въ градъ Вавилонъ и добылъ отпуда царскую порфиру и корону и царскіе жезлы и скипетръ царскіи. Пришелъ онъ изъ Царяграда къ морю и встрѣчаетъ здѣсь у берега съ судномъ неизвѣстнаго человѣка, которій назвалъ себя «Правдою». «Правда» перевезла его на другой берегъ и, когда узнала за чѣмъ онъ ѣдетъ, рассказала ему судьбу Вавилонскаго Царства.

«Въ семь градѣ Вавилонѣ устроили граждане валъ земляной кругомъ всего города, и сдѣлали змя въ воротахъ у липины голова, а у другой хвостъ. Былъ здѣсь Царь Поръ, которій издалъ указъ—изображатъ змѣнншей на монетахъ и писатъ змѣнншей посудникамъ на посудѣ, на чашкахъ и ложкахъ, и дома украшатъ змѣнншами. Одинъ старѣйшій Думный человѣкъ въ царскомъ синклитѣ говорилъ Пору: «Царю! Голова моя, а мечъ Твой! Не вели этого дѣлатъ, станутъ эти змѣннши потреблять людей, да и самого большого змя надо кормить». Царь распорядился, но поздно спохватился, кажежды судмалъ думу нехорошоую. Великій змѣй и всѣ змѣннши живы стали, и истрепилъ нечистый духъ во градѣ Вавилонѣ всѣхъ людей и все царство Царя Пора. Теперь во всемъ градѣ стоить лишь церковь, а въ ней у Егорья Побѣдоносца да Митрея Салынскаго хранятся и порфира, и корона, и жезлы, и скипетры царскіе, да жива естъ еще тамъ дѣвица, которая вышиваетъ коверъ Егорью Побѣдоносцу да Митрею Салынскому. Въ градъ можно проникнуть только въ полночь; тогда дѣвица молится Егорью Храброму да Митрею Салынскому, и великій змѣй и всѣ змѣннши спокой имѣютъ. Вознесъ благодарность Федоръ Барма этой «Правдѣ», и отправился въ градъ Вавилонъ. Вошелъ онъ въ градъ, какъ его научила «Правда», и, по Божьему приидѣлу, приходитъ въ храмъ Егорья Побѣдоносца да Митрея Салынскаго и взмолился онъ этой дѣвицѣ: «сбереги меня отъ напрасной смерти и пособи мнѣ добыть корону и порфиру, скипетръ и жезлы царскіе въ семь храмѣ». И отвѣчала ему дѣвица: «рабъ Божій! помолись Егорью Побѣдоносцу да Митрею Салынскому, и получишь ты корону, и порфиру, и скипетръ, и жезлы царскіе». Трои сутки пробылъ тутъ Федоръ Барма, пока дѣвица вышивала новый коверъ съ ликами этихъ святыхъ. Потомъ вышли они изъ града, когда нечистые духи покой имѣютъ: дѣвица несла два ковра, а Федоръ Барма корону и порфиру, и скипетры, и жезлы царскіе; прошли мимо змя и змѣнншей ничѣмъ неврѣдимо, и подошли къ морю. Тутъ сказала ему

дѣвица: «рабъ Божій, Федоръ Барминъ! Вотъ тебѣ коверъ, конюрый я вышила золопомъ и серебромъ съ ликами Егоря Побѣдоносца и Мипрея Салънскаго; раскинъ его на воду, и побѣжай по морю и вези царскія сокровища Царю православному». И прѣѣзжаетъ онъ къ Царюграду,—скоро скажется, тихо дѣется,—изъ моря на берегъ. Но путьъ было во Царѣградѣ великое кровопролитье: рушилась вѣра православная, не спало Царя нравовѣрнаго. И пошелъ Федоръ Барма отъ Царяграда въ нашу Русію подселенную, и пришелъ онъ во Казань городъ, и вошелъ онъ въ палашы княженецкія, въ княженецкія палаты—богатирскія, и стали спрашивать, гдѣ добылъ онъ порфиру и вѣнецъ, и скипетры, и жезлы царскіе. И разказалъ путьъ Федоръ Барма, какъ указала ему «Правда», путьъ прямую въ Вавилонъ градъ и какъ дѣвица указала нести царскія сокровища къ Царю правовѣрному. И улегла путьъ порфира и корона съ града Вавилона на голову Грознаго Царя правовѣрнаго Ивана Царя Василевича, который рушилъ царство «Проходима», поганаго князя Казанскаго».

Народное сознание, естественное, могло удовлетворяться подобнымъ эническииъ сказаніемъ о переходѣ знаковъ царскаго достоинства съ Востока на Свящую Русь.

Есть легенда и о томъ, какъ доставалъ ихъ изъ Вавилона и Византійскій императоръ Левъ.

Но для знаменитыхъ бояръ, для удѣльныхъ князей, производившихъ родъ свой отъ того же Рюрика корня, для иноземныхъ выходцевъ, гордившихся происхожденіемъ отъ липовскихъ князей или патарскихъ хановъ, нужны были другія внѣшнія историческія основанія для царскаго значенія Московскихъ великихъ князей.

И вотъ создаются лѣтописныя сказанія, направленныя къ оправданію правъ ихъ на царскій титулъ.

Много было родовъ отъ Рюрика Дома: по царскимъ вѣнцемъ былъ вѣнчанъ только Владиміръ Мономахъ, сынъ Царевны Греческой, коему Византійскимъ императоромъ Константиномъ Мономахомъ была прислана Царская шапка съ бармами и для вѣнчанія коего прѣѣзжали въ Кіевъ Греческіе митрополиты. Эти знаменія Царской власти переданы были имъ сыну Юрію, колонизатору сѣверной лѣсной сторонны, уцѣлѣли отъ татарскаго погрома и свято хранились въ Домѣ Калиты; какъ драгоценный завѣтъ, передавались здѣсь отъ одного Московскаго князя другому, и, когда настала историческій моментъ для Россіи Царской, только потомокъ Мономаховъ, а не какой-нибудь удѣльный князь, можетъ возложить ихъ на себя.

И что значить происхожденіе отъ какого-нибудь Гедемина или хана, когда родъ Московскихъ князей ведетъ свое начало отъ Августа Кесаря?

Нужно было отразить и упреки въ томъ, что вѣнчаніе Грознаго было не канонично, такъ какъ совершенно оно только русскимъ митрополитомъ, который не имѣлъ на это высшаго Церковнаго полномочія.

Грозный обратился къ Восточнымъ патріархамъ съ просьбою о признаніи его вѣнчанія, въ силу отъмѣченныхъ основаній. Лишь черезъ четыре года была прислана изъ Царяграда грамота, утверждающая его въ званіи Царя; но въ ней говорилось, что, дѣйствительно, «совершенное митрополитомъ Макаріемъ не можетъ быть крѣпко, и что только Римскому и Константинпольскому первосвященникамъ дано преимущество вѣнчать Царей». Этимъ глубоко было оскорблено народное чувство Русскихъ: патріархъ, нуждающийся въ признаніи своего сана отъ турка, присволяетъ себѣ право дать или не дать титулъ Государю народа православнаго, свободнаго Русскаго Царства, пря-

мого наслѣдника Греческой имперіи. Этимъ глубоко оскорбленъ былъ и Іоаннъ IV, рѣзко отзывавшійся о грекахъ, какъ и о лашьяхъ. Достойно вниманія, что въ эпоху грамотѣ цѣлыя выраженія, какъ нетерпимыя, были выскоблены Думскимъ дьякомъ и замѣнены новыми: такъ возмущительныя казались для Русской чести нѣкороткія строки эпохи грамоты. Впрочемъ, другіе патріархи, Александрійскій и Антиохійскій, охотно согласились признатъ совершившійся фактъ, патріархъ же Іерусалимскій провозгласилъ новаго Царя даже «Главою Церкви».

Не вдругъ Государи иностранныя признали Русскаго Царя въ его Императорскомъ достоинствѣ. Долго Русскіе дипломаты должны были настойчиво и неуклонно пребывать опъ Европейскихъ пословъ и посланниковъ, чтобы они именovali Русскаго Государя Величествомъ, а не Высочествомъ и заставляли ихъ признатъ, что Русскій Царь есть Цесарь, равный Греческимъ императорамъ, а вмѣстѣ съ ними приводили и государства иноземныя къ убѣжденію, что Россія, дѣйствительно, есть прямая наслѣдница Византійской имперіи.

Іванъ Грозный былъ глубокой знатокъ православія, на что неопразимо указываютъ его диспуты съ Поссевиномъ, Рокитано и Максимомъ Грекомъ; онъ хорошо зналъ священное писаніе и знакомъ былъ съ Церковной исторіей. Царское свое значеніе онъ понималъ въ такой полнотѣ и ясности, какъ никто изъ его предшественниковъ. Онъ считалъ себя «Царемъ милостію Божіею и по праву рожденія; самъ Богъ посадилъ его на престолъ и сдѣлалъ его Своимъ намѣстникомъ на землѣ». Долгъ Царскій «опъ преволненія спасатъ подданныхъ и заботитъ не о тѣлахъ только, но и о душахъ порученнаго ему стада»; и оптомъ долгъ, какъ призваніе Божественное, онъ долженъ спавитъ превше собственной жизни; власть старыхъ вѣчей перешла къ нему и потому она неограниченна, какъ неограниченна была власть народа надъ самимъ собой; онъ ни предъ кѣмъ не отвѣтственъ и обязанъ своимъ отчетомъ только Господу Богу; въ Государствѣ онъ самодержавенъ: како и «Самодержецъ можетъ нарещія, аще не самъ строитъ?» Московское Государство должно быть только конфессиональнымъ, то-есть православнымъ; а потому и власть Государева простирается не только на мірянъ, но и на Церковь.

Государства гибли, гдѣ попы верховенствовали. Боярство обязано только службою Царю, и при той мѣрѣ, въ какой указано Царскою волею. Превозноситься своимъ родомъ, уклоняться опъ велѣній Царскихъ, производить давленіе на Царскую волю, или же перебѣгать въ чужую землю, есть государственная измѣна, которая наказуется смертію. Такъ разъяснилъ теорію Царской власти самъ Грозный въ своей перепискѣ съ Курбскимъ и такъ опчасти выражена она въ коронаціонномъ поученіи митрополита Макарія.

Очевидно, такой взглядъ былъ прямо противоположенъ традиціямъ князей и бояръ, окружавшихъ Грознаго, и борьба съ ними была неизбежна.

Натура Грознаго была напура сильная, могучая, богатырская. Онъ не умѣлъ останавливаться на полудорогѣ, на полумѣрахъ; но шелъ къ цѣли, не щадя своей головы. Вся его жизнь, можно сказать, есть кровавый свитокъ борьбы его съ удѣльными князьями и старымъ боярствомъ за свою Царскую идею.

До сихъ поръ Грозный для науки какая-то историческая загадка.

Карамзинъ, Погодинъ, Конспантинъ Аксаковъ, Костомаровъ и Иловайскій видятъ въ его царствованіи рядъ ужасовъ и безумствъ и представляютъ его подобнымъ Нерону, художникомъ всякихъ злодѣйствъ. А Соловьевъ, Бе-

снужевъ-Рюминъ, Платоновъ признающъ его преобразователемъ Государства, къ чему послужила и созданная имъ опричнина. Бѣловъ и Горскій всецѣло оправдываютъ кровавую жестокость Грознаго и всѣхъ послѣдовавшихъ считаятъ достойными понесенной ими казни. Въ наше время нашлись и такіе ученые, которые взглянули на Грознаго съ нерво-патологической точки зрѣнія и считаютъ его Государемъ, справдивымъ умопомѣшательствомъ.

Нельзя не замѣтить, что до насъ дошло не мало историческихъ показаній какъ русскихъ, такъ особенно иностранныхъ, продиктованныхъ людьми, враждебно и даже иногда злобно настроенными по отношенію къ Грозному; показанія эти стоятъ иногда въ явномъ противорѣчьи съ другими историческими источниками; но Синодикъ убитыхъ имъ лицъ не снимаетъ съ него обвиненій въ излишней жестокости и обильно пролиной имъ крови.

Нельзя, однако, признатъ исторически истиннымъ мнѣніе *)), будто «онъ перешелъ всѣ границы зла, будто онъ злодѣй, лицо котораго — кошмаръ и имя котораго — Ужасъ».

Всѣ крайнія мрачныя мнѣнія о Грозномъ не мирятся съ приглашеніемъ его Польшею въ свои короли. Польша, какъ ближайшая сосѣдка Россіи, знала Грознаго гораздо лучше, чѣмъ заѣзжіе иностранцы, которымъ не понравился приемъ или которыхъ хлопоты не были уважены; безъ всякаго сомнѣнія, поляки отлично знали и хоронія и дурныя спорны Грознаго, и не даромъ, конечно, одна мысль имѣть своимъ королемъ Царя Ивана Василевича приводила въ восторгъ Польскую шляхту. Даже Липовская знатъ и ша примирилась съ его кандидатурой.

Любопытно, что говорилъ самъ Грозный, защищая свою кандидатуру: «въ Польшѣ и Литвѣ я приобрѣлъ репутацію злаго», — заявлялъ онъ. — «Но съ кѣмъ я золь?» При этомъ онъ подробно разсказалъ о боярской измѣнѣ. «Поляки не будутъ мнѣ измѣнять и я, конечно, буду обходиться съ ними иначе. Я сохранию, — говорилъ онъ, — всѣ ваши права и привилегіи и даже дамъ новыя. Я золь только для злыхъ, а для добрыхъ я согласенъ отдатъ послѣднюю одежду» и при этомъ онъ сдѣлалъ такой жестъ, словно дѣйствительно хотѣлъ отдать. Если и не избереете меня польскимъ Государемъ, я все-таки готовъ заключить съ Польшею миръ, и согласенъ уступить ей Полоцкъ, лишь бы по Двину.

Рѣшительно была бы невозможна въ Польшѣ самая мысль о кандидатурѣ Грознаго на Липовско-польскій престолъ, если бы онъ, дѣйствительно, былъ злодѣй и имя ему было Ужасъ. Намъ кажется, его тамъ знали и цѣнили лучше, чѣмъ знаемъ и цѣнимъ мы; тамъ были убѣждены, что Московское боярство не мало и само было повинно въ жестокостяхъ своего Царя.

Не останавливаясь на крипическомъ разборѣ противоположныхъ взглядовъ на царствованіе Грознаго, мы остановимся только соотвѣтственно нашей задачѣ на народныхъ воззрѣніяхъ, какъ сказались они въ народныхъ пѣсняхъ и живыхъ преданіяхъ.

Не безъ причины, конечно, изъ всѣхъ Московскихъ Государей только Грозный сталъ предметомъ народнаго эпоса. До насъ дошло весьма значительное количество былинъ о немъ — и припомъ записанныхъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Слишкомъ ярко отразился его нравственный образъ въ народномъ сознании. Слишкомъ глубокіе слѣды въ памяти оставили нѣкоторые моменты его царствования.

*) Кюстина.

Воцареніе Грознаго на Москвѣ народная пѣсня сближаетъ съ появленіемъ
краснаго солнца или же звѣзды подвосточной:

«Когда въ небѣ возсіяло красно солнышко,
«Становилася звѣзда восточная,
«Тогда воцарился Грозный Царь,
«Грозный Царь Иванъ Васильевичъ».

Или же по другому пересказу:

«Когда воцарился Грозный Царь:
«Тогда солнышко на небѣ возсіяло,
«Тогда рыбы всѣ вглубь ушли,
«Тогда звѣри сбѣжали въ лѣса темныя».

Съ воцареніемъ его Москва или Московское Государство утвердилось на
прочномъ основаніи и спало восходить отъ славы къ славы:

«И въ то время князь воцарился,
«И насѣлъ на Московское Царство,
«Что погда-де Москва основалася,
«И съ тѣхъ поръ великая слава».

Пѣсни не только не скрываютъ гнѣвнаго и жестокаго характера Гроз-
наго, но какъ бы желаютъ выставить на видъ эту особенность его духов-
ной природы:

«Не сине море всколебалоса,
«Не сырѣ дубы разгаралися,
«Распалася Грозный Царь Иванъ Васильевичъ».

Пѣсни мало знаютъ о внутреннихъ преобразованіяхъ Грознаго, но на
Сѣверѣ было извѣстно, что онъ создалъ Земское Самоуправленіе; такъ,
напримѣръ, Турчасовскіе земскіе люди били челомъ Царю Ивану Васильевичу,
чтобы онъ далъ имъ такой же самосудъ, какой далъ онъ въ Каргополѣ
на посадѣ.

Повидимому, народу извѣстна была политика Ивана по переселенію опас-
ныхъ вопчинниковъ и замѣщенію ихъ мѣста своими людьми и это казалось:

«Переборъ былъ бояромъ,
«Переборъ воеводамъ».

Ничего не видѣли въ помъ пѣглые люди ни спранныго, ни ужаснаго.

Народная пѣсня знаетъ факты, кои характеризуютъ Грознаго, какъ
Царя милостиваго и весьма правдиваго. Вотъ, напримѣръ, ѣдетъ онъ по
Москвѣ и видитъ добраго молодца на правѣжѣ и спрашиваетъ бурмиспровѣ-
цѣловальниковъ: «за что вы пытаете добраго молодца, нагого-босаго и разу-
таго, поставя его на бѣль-горючь камень?»

«Стоитъ молодецъ самъ не пряхнется,
«Русы кудри его не вордохнутся,
«Только капятся изъ глазъ горячи слезы».

Ему отвѣчаютъ цѣловальники:

«Пытаемъ мы съ него золоту казну:
«Не много, не мало, сорокъ тысячей».

Когда на вопросъ Грознаго, какъ досталась молодцу золота казна, онъ объяснилъ, что онъ опбилъ ее въ лѣсу у воровъ-разбойниковъ, въ то время, какъ они, на привалѣ, золоту казну дѣлили мѣрою.

И возговорилъ православный царь:

«Ой, вы гой еси, бурмистры-цѣловальники!
«Заплатите ему за каждый ударъ по 50-ти рублей,
«А за безчестье заплатите ему 500 рублей».

Или вотъ одинъ молодецъ убилъ опричника. И сталъ Грозный его допрашивать, за что лишилъ онъ жизни его подручника, молодого опричника? И когда тотъ отвѣчалъ: я убилъ его за дурны дѣла, за худы слова:

«Онъ злой татарченко,
«Поносилъ онъ нашу Святую Русь;
«Тебя называлъ кровопийцею;
«Еще поносилъ православный людъ:
«Упрекалъ насъ бытъ крестьянами и холопами,
«Татаръ величалъ людми волчьими,
«Никому какъ бытъ не подручными;
«А самъ славень-то былъ побою, Царь,
«Твоей милостью».

Услышавъ такой отвѣтъ Грозный воскликнулъ:

«Исполать тебѣ, удалый молодецъ,
«На добромъ словѣ, на честномъ дѣлѣ».

Основнымъ мотивомъ народныхъ пѣсень была «измѣна», которую выводилъ Грозный изъ своего Государства. Онъ считалъ себя изгнанникомъ въ своемъ Царствѣ и жилъ большею частью вдали отъ Кремля, откуда, по словамъ, его изгнали себялюбивые бояре. Онъ выстроилъ себѣ хоромы внѣ Кремля, около Троицкихъ воротъ, на Воздвиженкѣ, другой дворецъ въ Вологдѣ и претѣи въ Александровской слободѣ—съ братскими кельями и здѣсь по преимуществу коропалъ дни свои съ опричниками. Особенно поразила его измѣна Курбскаго, который былъ его и ближайшимъ совѣтникомъ и героемъ, создавшимъ его славу. И съ этого времени выводилъ измѣну—значило устранивъ опасныхъ людей, кои не раздѣляли и не могли раздѣлять его политическихъ задачъ и плановъ.

Гордое сознание успѣховъ своего дѣла усвоилъ ему народная пѣсня:

«Есть чѣмъ Царю мнѣ похвастаться,
«Я повнесь цареніе изъ Царяграда,
«Царскую порфиру на себя надѣлъ,
«Царскій костюмъ себѣ въ руки взялъ,
«Я повыведу измѣну съ каменной Москвы».

.....

По другому пересказу:

«Ужъ какъ мнѣ-то можно похвалился;
«Вывелъ я туманъ съ-за синя моря,
«Вывелъ я измѣну изъ Новгорода.
«Вывелъ и изъ Пскова, изъ каменной Москвы».

Отъ руки палачей, выводившихъ измѣну, сошла со сцены испорни вся старая русская аристократія, состоявшая изъ потомковъ князей удѣльныхъ

и знатныхъ боярскихъ родовъ. Лишь въ изгнаніи едва уцѣлѣли слабѣе ея остатки.

Народъ по-своему, конечно, объяснялъ отношеніе Царя къ боярству. Съ его точки зрѣнія внутренняя причина боярской измѣны таилась, между прочимъ, и въ немъ самомъ, въ его собственной невѣрности и кривизнѣ души его.

Народное преданіе, изображающее Грознаго съ этой стороны, передается въ формѣ апокалиптической, а это указываетъ на то, что едва ли оно не современно самому Грозному. Являются посланники съ двѣнадцати земель и предлагаютъ состязаніе загадками за двѣнадцать бочекъ золота; форма очевидно восточная, которая встрѣчается въ судахъ Соломона, и проходитъ цѣлый рядъ странствующихъ повѣстей по Западной и Восточной Европѣ. На помощь Царю въ эту критическую минуту, когда ему приходится или получить бочки золота, или навсегда потерять Царскій престолъ, является на пути какой-то вѣщій Божественный старецъ, строитель церкви, уже поднявшій ее до кровли и купола. Очень можетъ быть, что легенда намекаетъ здѣсь на извѣстнаго обличителя Грознаго, митрополита Филиппа, который успѣшно строилъ церковное дѣло, стоя на вершинѣ церковной.

Невѣдомый старецъ выручаетъ Царя и помогаетъ ему разгадать загадки. Грозный пользуется его наставленіями, получаетъ двѣнадцать бочекъ золота, но потомъ вдругъ, пропивъ своего обѣщанія, жалъ ему стало даже и одной бочки для церкви Божіей и для этого старца строителя — виновника его Соломоновской мудрости: вмѣсто бочки золота, онъ предложилъ старцу бочку, наполненную пескомъ. «Тако ты Царь», — говоритъ ему вѣщій божественный старецъ; — «такова-то правда у души твоей; таково-то твое царское слово? Вѣкъ же тебѣ не выведешь измѣны изъ каменной Москвы: не бываетъ вѣрныхъ слугъ у кривыхъ господъ». Это грозное обличеніе громко звучитъ силою и правдою духа великаго старца, церковнаго строителя митрополита Филиппа.

Это эпическое народное сказаніе, записанное нами отъ пѣвца былинъ В. П. Щеголенкова, такъ характерно и такъ важно для исторіи, что мы приводимъ его вполнѣ.

«Приѣхали посланники съ 12-ти земель,
«Привезли злата по бочкѣ во Черниговъ градъ,
«Написали эпистолю въ каменну Москву,
«Грозному Царю Ивану Васильевичу:
— Приѣзжай-ко ты, Грозный Царь,
— Къ намъ сюда во Черниговъ градъ;
— Насъ приѣхало посланниковъ съ двѣнадцати земель
— И привезено при слова и двѣнадцать бочекъ злата;
— Если отгадаешь ты все злато получаешь,
— А не мощъ ты отгадашь и Царство потеряешь».

И приказалъ Грозный Царь Иванъ Васильевичъ своимъ приближеннымъ дворецкимъ: «гоповѣте лошадей на ямъ: надо ѣхать во Черниговъ градъ». Выѣзжаетъ Грозный Царь Иванъ Васильевичъ съ каменной Москвы, ѣдетъ онъ путемъ дорогою. Вдругъ на пути видитъ близъ Чернигова: убогой старикъ, сѣдиной изукрашенъ, строитъ церковь о пупъ: церковь совсѣмъ поднята, и купуль сдѣланъ, и носитъ сей строитель старецъ щепу по подмосткамъ кверху и приколачиваетъ къ главѣ; въ кучкѣ гвозде, а въ другой щепе. И говоритъ Грозный Царь Иванъ Васильевичъ: «Богъ помочи, дѣдушко старичекъ! Што же ты, дѣдушко, порозъ носишь щепинку

и гвозди и кладаваешъ на подмостки; ты разомъ могъ бы снести и щепинку и гвозди, а ходишь ты два раза». Отвѣчаетъ ему дѣдушко-старецъ: «про это дѣло мастеръ знаетъ, а что въ умѣ у тебя, того никто не знаетъ. Ыдешъ ты въ Черниговъ градъ, и въ головы у тебя—при слова отгадашь; если можешъ, много злата получаешъ, а не можешъ отгадашь и все Царство попереяешъ». И говоритъ еще дѣдушко-старичекъ:—«Грозный Царь Иванъ Васильевичъ! Скажи мнѣ Царское слово: што мнѣ будетъ отъ добра; поясню, ты загадки отгадаешъ, а нѣтъ—не отгадашь тебѣ». Тутъ Грозный Царь обѣтъ даетъ этому вѣщему старцу—церковному строителю: «я, тебѣ, говоритъ, за показъ твой цѣлую бочку злата могу дать». И говоритъ тутъ дѣдушко-старецъ: «Грозный Царь Иванъ Васильевичъ! Когда вѣдешъ ты во Черниговъ градъ, когда взойдешъ ты во царскій дворецъ, тутъ собраны посланники двѣнадцати земель, тутъ садятъ тебя на царское мѣсто, и вопросъ тебѣ задаютъ: «Царю, Царю! Отгадай, скажутъ, что на свѣтѣ свирѣпѣе всѣхъ? Ты скажи: свирѣпѣе всѣхъ око у человѣка, видитъ по землѣ ходящихъ, видитъ по воздуху птицу летящую». Зададутъ второе слово: «Что на свѣтѣ милѣе всѣхъ? Ты скажи: сонъ; въ какомъ несчастіи не будешь, во снѣ все забудешь». Спросятъ еще и претіе слово: «Что на свѣтѣ слапимѣе всѣхъ?» Ты скажи: «Вода передъ смертію рабу». Приѣзжаетъ Грозный Царь во Черниговъ градъ и входитъ во дворецъ; крестъ кладетъ по-писаному, поклонъ ведетъ по-ученому, на всѣхъ на при-четыре на стороны поклоняется, а двѣнадцати посланникамъ въ особину. «Поди, посланникамъ говорятъ, Грозный Царь Иванъ Васильевичъ, садись на царское мѣсто и отгадай при слова, кои мы тебѣ заганемъ».

Первый вопросъ сдѣлали: «Грозный Царь Иванъ Васильевичъ! Что на свѣтѣ суровѣе всѣхъ?»—Господіе!—отвѣчалъ онъ,—око у человѣка, видитъ по землѣ ходящихъ и по воздуху птицу летящую.—Второе слово сдѣлали: «Что въ свѣтѣ милѣе всѣхъ?»—Господіе!—отвѣчалъ Грозный,—милѣе всѣхъ на на свѣтѣ сонъ, въ какой погибели не будешь, все забудешь.—И претіе слово сдѣлали: «Что въ свѣтѣ слапимѣе всѣхъ?»—И Грозный отвѣчалъ:—Слапимѣе всѣхъ вода передъ смертію рабу. Получилъ Грозный Царь Иванъ Васильевичъ двѣнадцать бочекъ злата за свою мудрость, и поѣхалъ въ каменну Москву, и жалъ ему стало обѣщанной бочки вѣщему старцу—церковному строителю: «стойте, говоритъ, ребя, сколотите обручи съ этой бочки и насыпьте туда песку, и дайте эту бочку старику». Встрѣпившись съ нимъ Грозный спросилъ его, получилъ ли онъ злато. «Получилъ,—отвѣтилъ старецъ,—благодарю», а самъ возгорчился духомъ, сердцемъ раскипѣлся и возгласилъ: «Царю, не самъ ли ты наложилъ мнѣ даръ и такожде ли держишь свое царское слово? Постригся ты, посхимился, а все ты—топъ же. Живешъ ты ложью и у церковнаго строителя добро ты отымаешъ. Ржа твое сердце съѣдаетъ, змій ты подъ цвѣтами, огонь ты носишь подъ полой. Топъ къ добру не управитъ, кто въ дѣлахъ лукавитъ. Помни же, что не выведетъ тебѣ измѣны съ каменной Москвы. Не бываетъ вѣрныхъ слугъ у кривыхъ господъ. Тутъ слово и ключъ во вѣки и во вѣки».

Взятіе Казани и Астрахани произвело громадное впечатлѣніе на народныя православныя массы. Исламъ потрясенъ и самый центръ его поколебленъ. Открылся свободный путь для торга отъ сѣверныхъ припоковъ Волги до самаго ея устья. Отверзлись двери въ самую Азію. Чѣмъ тяжелѣе былъ вѣковой татарскій гнетъ, тѣмъ свѣтлѣе и отраднѣе казалась свобода отъ него православному люду. Не Москва только ликовала эту славную побѣду Грознаго, но свѣтлый праздникъ чувствовался на всемъ Сѣверѣ.

У Грознаго пирь.

«Вокругъ его сидяпть князья-бояра
«И во пиру они порасхвастались;
«Сильный хвалится своею силою,
«А богатый—золотой казной...
«Государь самъ распотѣшился...
«Самъ возгѣворилъ таковы слова:
— Ой, вы глупые бояре—неразумные!
— Чѣмъ вы хвалитесь-перехвалаетесь?
— Силушка-то къ вамъ отъ Господа,
— А богатство отъ меня пришло.
— Ужъ какъ мнѣ-то можно похвалиться:
— Вынесъ я порфиру изъ Царяграда,
— Взялъ Казань городъ, взялъ и Астрахань».

По другому пересказу:

«Что взялъ онъ царство Казанское,
«Симеона царя во полонъ полонилъ
«Со царицею со Еленюю;
«Что взялъ онъ Казань, взялъ и Астрахань».

Долго готовился Грозный къ этому походу:

«Скоплялъ-то онъ силушку да ровно тридцать лѣтъ.
«Сокопивши силу, воевать пошелъ
«Подъ то славно царство подъ Казанское.
«Становился батюшка нашъ во зеленыхъ лугахъ,
«Въ зеленыхъ лугахъ въ заповѣднѣхъ».

Изъ всей Казанской осады пѣсни воспроизводятъ тотъ моментъ, когда Грозный съ неперпѣниемъ ждалъ взрыва крѣпостныхъ стѣнъ. Это ожиданіе было тѣмъ напряженнѣе и острѣе, что татарки дразнили Грознаго его неудачами:

«А татарки по стѣнѣ похаживаютъ,
«Грознаго Царя поддразниваютъ:
— Какъ не взять тебѣ Казань ни во сто лѣтъ,
— Какъ ни во сто лѣтъ, ни во тысячу».

Уже были подведены подкопы и подъ Булатъ рѣку и подъ Казань рѣку, бочки съ порохомъ подкаченны подъ стѣны городовыя, зажжены свѣчи восковыя, и такія же свѣчи въ рукахъ царскихъ; послѣднія догорѣли, а взрыва нѣтъ; минуты кажутся годами, «горитъ сердце царское неперпѣниемъ великимъ»:

«Воспалилось сердце Государево,
«Утупилъ онъ очи во сыру землю.
— Подавай мнѣ пушкарей сюда,
— Пушкарей—подкопщиковъ и зажигальщиковъ.
«Призадумались пушкарчики, молчатъ-стоятъ.
«Только выбрался молоденькой пушкарчикъ:
— Не вели меня, Царь-батюшко, казнить-вѣшать,
— Прикажи мнѣ слово молвити:
— На вѣпру-то свѣчи скоро попятся,
— Въ глухомъ же мѣстѣ долго теплятся.
«Не успѣлъ пушкарчикъ слово вымолвить,
«Догорѣли свѣчи воску яраго,
«Принимались бочки съ чернымъ порохомъ,
«Раскидало, разметало стѣну каменну,
«Побросало въ рѣку всѣхъ татарушекъ».

Въ другомъ пересказѣ естѣ нѣкоторыя особенности:

«И снарядилъ ли по Грозный Князь Иванъ Васильевичъ
«И снарядилъ ли по войско подъ Казань-городъ;
«И стояло войско подъ Казань-городомъ
«И не много, не мало—семь годовъ.
«И проговорилъ пучкаръ таково слово:
— Ты Грозный Царь Иванъ Васильевичъ!
— Позволь слово сказать, да слово вымолвить:
— И подкопашь бы намъ подкопы глубокии
— Подъ эти стѣны городѣвни;
— И начинишь бы намъ бочки зельемъ лютымъ.
— И мы не зельемъ чинили—чернымъ порохомъ;
— И зажигаешь бы намъ свѣчи восковьи
— Во эти руки во бѣлви,
— За эти за стѣны за дубовьи.
— Во рукахъ-то свѣщи да оны ясно горятъ,
— А за стѣнами-то свѣщи, оны не ясно горятъ.
«И проговорилъ Грозный Царь Иванъ Васильевичъ:
— Ай же ты, пушкаръ, да обманываешь.
«И проговорилъ пучкаръ да таково слово:
— Ай же ты, Грозный Царь Иванъ Васильевичъ.
— Во рукахъ-то свѣщи, да оны ясно горятъ,
— А за стѣнами-то свѣщи, оны не ясно горятъ.
«И не успѣлъ пучкаръ слова вымолвить,
«И преснули башни преугольные,
«Разорвало стѣны городѣвни.
«Зашло войско во Казань-то городъ;
«Повынесли знамена со Казань-города,
«Повынесли порфиру-то царскую
«Съ за этого стола, съ за окольного».

Возрадовался Царь-Государь и приказалъ дарить всѣхъ пушкарей; каждому далъ по 500 рублей; а молодому пушкарю 500 рублей «за слово его смѣлое, за правду его добрую».

Овладеи царствомъ Сибирскимъ также не забыто народнымъ пѣснопѣниемъ; Ермакъ Тимофеевъ, представъ предъ Государемъ, говоритъ ему:

«Я пришелъ къ тебѣ, Грозный Царь,
«Съ товарищемъ Ванькой Каиномъ;
«Всихъ я сѣверныхъ странъ запечатальникъ.
«Заполонили мы цѣлую Сибирь,
«Да пришли къ тебѣ съ повинной головой;
«Хоть прости меня, хоть казнишь вели».

Собралась Боярская Дума; вносили Ермаку злата-серебра; а онъ боярамъ принесъ въ даръ куницъ-соболей.

Разгромъ Новгорода Грознымъ, какъ извѣстно, послѣдовалъ вслѣдствіе готовности его предаться Липвѣ. «Я повывель измѣну съ Новгорода», говоритъ Грозный. По его убѣжденію, во главѣ этого Новгородскаго заговора стоялъ архіепископъ Пимень. Поэтому Грозный ѣхалъ сюда раздраженный не только противъ владыки, но и противъ Св. Софії и противъ Хупыня—лѣтней Владычней резиденціи. Народъ подмѣтилъ яростное настроеніе Грознаго и выразилъ его въ слѣдующихъ легендахъ:

«Услышалъ Грозный Царь во своемъ цареніи въ Москвѣ, что въ Великомъ Новгородѣ бунтъ. И поѣхалъ онъ съ каменной Москвы Великой и ѣхалъ путемъ-дорогой—все больше верхомъ. Говорится скоро, дѣется

пихо. Въѣхаль онъ на Волховской мостъ: ударили въ колоколь у Святой Софіи, и палъ конь его на колѣно отъ колокольнаго звона. И путь Грозный Царь воспрогѣворилъ коню своему. «Ай же ты, мой конь—меловой ¹⁾ мѣшокъ, волчья ты сѣть; не мошь ты Царя держати—Грознаго Царя Ивана Василевича». Доѣхаль онъ до Софійскаго храма и въ гнѣвѣ велѣлъ опрубити снасти у этого колокола и чпобы палъ на земь, и казнилъ его уши. «Не могутъ, говоритъ, комони звону его слышати». И казнили этотъ колоколь въ Новѣгородѣ; нонѣ этотъ колоколь перелипой».

Въ Хутынѣ монастырѣ Грозный встрѣтилъ толпы народа и возмущился, бытъ можетъ предполагая, что это чернѣ бунтовская. Онъ похулилъ даже чудотворца, которій тотчасъ же далъ ему понятъ свою силу и направилъ его сердце къ монастырскимъ милостямъ.

Подѣзжаетъ онъ къ этой обители и спрашиваетъ у воротъ чернеца: «отчего, чернецъ, въ этой обители сегоднешній день такое множество народа?»

Чернецъ ему въ отвѣтъ: «сегоднешній день преподобному памятъ отцу нашему, Варлаамію Хутынскому».

«Вотъ еще, говоритъ, каждому чернецу день путь празднуютъ, и народъ еще путь собирается!»

Входитъ онъ въ оградныя ворота и спали ноги его грязнутъ до стоекъ ²⁾. Вошелъ въ храмъ преподобнаго, приблизился къ тѣлу его животному, перекрестилъ глаза и вдругъ нанесъ свою правую руку съ мечомъ на раку преподобнаго, хотѣлъ было сразити тѣло его животноное, но о с т о я л а с ъ рука въ плечѣ Грознаго Царя Ивана Василевича, и понынѣ тотъ мечъ у раки преподобнаго. Вышелъ онъ изъ церкви самъ не свой, здоровъ онъ, а безъ разума. Остолпился народъ—чернядь—въ кучкахъ небольшихъ. Подходитъ Грозный Царь Иванъ Василевичъ и спрашиваетъ: «Откуда вы, мужички?»—Мы, говорятъ, изъ Гимъ-рѣки. «Будте же вы,—сказалъ Царь,—преподобнаго Варлаама крестьяна». Подходитъ къ другой кучкѣ и спрашиваетъ: «а вы откуда?»—Ай-же, Грозный Царь, а мы естѣ со Щелеекъ.—«Будте же и вы преподобной обители крестьяне». Приходитъ онъ и въ претью толпу и спрашиваетъ: «откуда вы?» Сказали съ той же Побережны. «Будте же и вы сей обители крестьяне и служите преподобному Варлааму, угодику Божію».

Убіеніе Грознымъ своего сына произвело громадное впечатлѣніе на народное воображеніе и въ цѣломъ рядѣ пѣсенъ запечатлѣно въ исторической памяти. Въ нихъ перепутаны лица и событія. Убіенъ былъ не Царевичъ Оедоръ, а старшій сынъ его Иванъ; не на плаху былъ отданъ онъ палачу, но Грозный въ гнѣвѣ ударилъ его своимъ посохомъ и угодилъ ему въ високъ, отчего мгновенно послѣдовала смерть. Доспойно вниманія, что народъ отчасти оправдываетъ въ своемъ пѣснопорчествѣ и эту жестокость Грознаго, подводя Царевича подъ категорію царскихъ измѣнниковъ, а самый ужасъ преступленія смягчаетъ вымысломъ спасенія царевича, черезъ подмѣну его на плахѣ другимъ лицомъ, или же казненіемъ вмѣсто него самого палача.

При этомъ весьма ярко обрисованъ двойственный характеръ Грознаго, которій то распалялся до самозабвешія, то падалъ духомъ до отчаянія и горькихъ слезъ.

¹⁾ Меловой—мякинный.

²⁾ Почти обѣ ступни.

Вопъ Грозный на пиру передъ боярами расхвастался, что вывелъ онъ измѣну изъ всѣхъ городовъ; при этомъ младшій сынъ неоспорочно замѣтилъ: «небылицей, сударь - батюшка, порасхвастался». Тутъ стемнѣлъ Царь, какъ темная ночь. Заревѣлъ Царь, какъ левъ да звѣрь. «Сказывай, говоритъ, собака, про измѣну великую». Дѣлать было нечего, жалъ было брата, да не какъ себя; нужно было сказать, что измѣна его за столомъ сидитъ, и ѣсть и пьетъ съ одного мѣста; цвѣпно плаще носитъ съ одного плеча. Въ иныхъ пересказахъ докладываетъ про измѣну и говоритъ эти слова не Иванъ-царевичъ, а Малюта злодѣй, сынъ Скурлатовичъ. «А скажи-ко, скажи, въ чемъ измѣна естъ», говоритъ Царь, а самъ злобно на царевича озирается. «А гдѣ съ тобой,—отвѣчаетъ Малюта,—мы улицею ѣхали, грѣшниковъ били-вѣшали, а тутъ измѣнщикъ твой грѣшниковъ миловалъ, ярлычки давалъ имъ попенные, да велѣлъ виновнымъ укрываться». Такимъ образомъ измѣна его состояла въ укрывательствѣ измѣнниковъ и въ поповичествѣ имъ. Спрашно стало смотрѣть на Царя. Мутное око примутилось, царское сердце разгорѣлось. Зарычалъ, закричалъ Царь громкимъ голосомъ. «Да естъ ли во пиру такіе мастера казнить бы вѣшатъ роды царскіе? Ай-гой вы, сорокъ палачевъ да немилоспивыхъ! Возмите-тко царевича Федора Ивановича:

«Выведите-тко на тую лягу на кровавую,
«На тую плаху на дубовую;
«Отсѣките-тко ему да буйну голову,
«Положите-тко на копнице на вострое,
«Супропивъ палатъ да бѣлокаменныхъ.
«Положите-тко его-да буйну голову».

Всѣ палачи да разбѣжались. Сзычалъ тутъ Грозный другой законъ: вси палачи да популялися... За царскіе роды приняты не осмѣляются.

«Царское сердце расходилося—
«Хмѣльнымъ умомъ да пьянымъ разумомъ;
«Зарычалъ, закричалъ онъ пуще прежняго:
«Гдѣ мои палачи да немилоспивы?
«Берите Федора Ивановича,
«Везите на то болото на житное,
«На ту плаху на дубовую».

Но вопъ другая картина нервнаго настроенія Грознаго.

Предъ его царскими палатами выставлена кровавая сабля, исполнившая его волю. Онъ горюетъ, онъ плачетъ, онъ воеетъ и причитаетъ, какъ женщина.

«Какъ увидѣлъ онъ саблю кровавую,
«Прикручинился онъ, припечалился.
«Встаетъ онъ поутрѣшкѣ ранѣшенъко,
«Сѣлъ онъ подъ косѣвчато окошечко,
«Жалобнѣшенъко самъ порасплакался:
— Попухла заря свѣтло-вечерняя!
— Не видать мнѣ красна солнышка
— Младого Федора Ивановича!»

Жалуется на своихъ бояръ, что не сдержали его неразумнаго гнѣва.

«По ворами, по разбойникамъ
«Есть заступники, ходатаи крѣпкіе,
«А по насъ, по сѣменахъ царскихъ, не находится!»

Но вопъ предъ нимъ старый бояринъ Никита Романовичъ, который остановилъ руку палача и вмѣсто царевича положилъ на плаху немилаго постельничка. По наказу Царскому, всѣ явились въ Церковь, къ Христовской заупрѣнѣ въ одеждахъ распечальныхъ. Одинъ бояринъ Никита Романовичъ приходилъ въ ризахъ свѣтлыхъ и бѣетъ Царю челомъ съ любимой семейшкой.

Снова Грозный Царь закипѣлъ гнѣвомъ; снова пучей покрывается лицо его и грозное чело принахмурилось.

«Ай же ты, курва-сѣдатый песь,
«Со всѣхъ господъ-князей съ живыхъ я шкуру сдеру,
«А съ тебя, старая курва,
«Я шкуру сдеру и въ волчью зашью.
«Кабъ былъ, собака, не въ церкви да не въ Божьей,
«Я не далъ бы, собакѣ, на часъ живота.
«Таки-ль ты надо мною надсмѣхаешься,
«А надъ собой ты невзгодушки не вѣдаешь.
«Твоего любезнаго племянничка,
«Давно и живаго нѣтъ».

Тутъ отвѣчалъ ему старый бояринъ, что «царскій родъ на казни не казнится», и представилъ ему царевича Федора Ивановича.

Радость Царя отвѣчала его неистовому гору. Весьма любопытно, что испросилъ для себя, пользуясь такимъ наспроеніемъ Царя, старый бояринъ Никита Романовичъ.

При такомъ непостоянствѣ Царя, при погданскихъ извѣстахъ и оговорахъ, не было спасенія невиннымъ людямъ; даже царевичъ не избѣгъ напрасной смерти. И вопъ Никита Романовичъ просилъ у Царя, чтобы его, Никипина, вопчина была убѣжищемъ для всѣхъ уголовныхъ преступниковъ.

«Есть у меня села со приселками,
«А и по мнѣ молодцу—не похваляба.
«А ты дай-ко мнѣ Никипину вопчину...
«Что хотъ съ пепли уйди,
«Хотъ коня угони, хотъ жену уведи;
«Кто скраде, своруетъ, голову убьетъ,
«Ступайте въ Микипину вопчину.
«Кто туды уйдетъ, того Богъ унесъ;
«Не будетъ ни сыску, ни розыску».

Пѣсня эта, въ цѣломъ своемъ развитіи, никоимъ образомъ не можетъ относиться къ царевичу Ивану, который погибъ уже 30-ти лѣтъ и былъ три раза женатъ. Она связана съ именемъ царевича Федора Ивановича, но онъ никогда и никѣмъ не обрекался на смерть, женился еще при отцѣ, и затѣмъ царствовалъ послѣ него. Не такихъ взрослыхъ царевичей разумѣетъ пѣсня; она имѣетъ въ виду царевича млада-младешенька, «млада-зелена царевича»... Такимъ царевичемъ былъ послѣдній сынъ Грознаго, Дмитрій Ивановичъ—Углицкой, осужденный на смерть новой боярской грозою—Борисомъ Годуновымъ. Фабула о подмѣнѣ царевича немымъ постельничкомъ, болѣе, чѣмъ вѣроятно, относится именно къ убіенію Дмитрія Царевича. Она повидимому была такъ всенародна и всеобдержна, что дала поводъ появленію Самозванца и была причиною его неимовѣрныхъ успѣховъ среди народной массы; изъ страха въ эпоху сысковъ, а можетъ быть и безсознательно, фабула эта перенесена была народной фантазіей на эпоху Грознаго, а въ ней дѣйствующимъ лицомъ выдвинутъ самый демократическій и благороднѣйшій старый бояринъ Никита Романовичъ, у кото-

раго было множество сель со приселками и котораго вотчина быстро заселилась людьми, убѣгавшими отъ судовъ и розысковъ, за ихъ уголовщину.

Какъ ни былъ вспыльчивъ и раздражительнъ Грозный, какъ ни люты были его казни, смерть его вызвала общественное помясненіе и была оплакана Москвою, благовѣрной царицей и войскомъ.

Плакали по немъ бояре и вся Москва:

«Ужъ ты, батюшка, свѣтель мѣсяцъ!
«Что ты свѣтишь не по-старому,
«Черной пучей закрываешься!

.....
«Во гробу-то лежитъ православный Царь,
«Православный Царь, Иванъ Грозный Васильевичъ».

Убивается по немъ царица и унимаютъ ее князья-бояры:

«Ужъ тебѣ горемъ поле не насыати,
«Горючими слезами море не наполниши;
«Ужъ Царя-то тебѣ не поднять будетъ».

Плакало по немъ все Русское воинство:

«Ты возстань, возстань, православный Царь!
«Погляди-ка ты на свою силу:
«Твоя силушка упомяная,
«Упомяная, не кормяная.
«Твой любимый полкъ во походъ пошелъ,
«Во походъ пошелъ во Казань городъ».

Изъ изложеннаго видно, что идея личной Верховной воли была въ нашей исторіи живымъ государственнымъ началомъ и затѣмъ постепенно возрала до понятія православнаго Царя и греческаго автократора, который, по праву рожденія, призывается къ государственному служенію и который долженъ совершать государственное строительство, какъ дѣло Божіе, ставя его превше своей жизни и неся отвѣтственность не только предъ исторіею, но и предъ Спрашнымъ Судіею, Господомъ Богомъ. Такимъ образомъ идея Царя-Самодержца органически связана со всей предыдущей исторіею и есть творческое начало Русскаго Государства.

Какъ скоро, въ лицѣ Дмитрія Царевича, погибла послѣдняя вѣтвь Царскаго рода, одинъ за другимъ спали появлялись похитители престола, цари выборные, цари милостию народа, или вѣрнѣе подобранныхъ партій. Но въ умахъ народа глубоко властвовало убѣжденіе, что истинные цари суть цари по праву рожденія, цари милостию Божіею. Вотъ это-то всеобдержное убѣжденіе открыло возможность для такого историческаго явленія, какъ самозванщина, какого мы не видимъ ни въ одной Европейской исторіи. Возникло Смутное время, которое есть не что иное какъ борьба идей царя выборнаго съ идеею царей прирожденныхъ и въ этой борьбѣ едва вконецъ не погибло Русское Царство.

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

Извѣстно, что удѣльные князья въ XV и XVI вв., поступая на службу Московскаго Государя, получали здѣсь званіе погдашнихъ придворныхъ чиновъ: окольничаго, постельничаго, конюшего. Въ царствованіе Федора Ивановича въ этой придворной средѣ выработалось даже убѣжденіе, что по смерти Царя, преемствовать ему долженъ былъ бояринъ конюшій. Съ восшествіемъ Бориса на престолъ слухи о томъ, что онъ изъ конюховъ сдѣлался Великимъ Государемъ, равно какъ и о томъ, что во время Самозванца въ подземельѣ дворца Борисова нашли будто бы стапую, держащую въ рукѣ лампаду, дали поводъ развиться въ народѣ слѣдующей легендѣ:

«Собрались всѣ Россійскіе бояра въ каменной Москвѣ и совѣтуютъ о томъ, какъ, господіе, будемъ Царя выбирать. И удумали бояра выбирать его такимъ положеніемъ: естъ у Троицы у Сергія надъ воротами Спаситель и предъ нимъ лампада; будемъ всѣ проѣзжать чрезъ эти ворота, и отъ кого загорится свѣча передъ лампадой, тому и быть Царемъ на Москвѣ надъ всей землей. Такъ и утвердили это слово. По первій день спали самыхъ высокихъ рукъ пушатъ людей въ ворота, по другой—средняго сорта людей, а по третій—и самаго низкаго званія. Передъ кѣмъ загорится лампада противъ Спасителя, тому и царитъ на Москвѣ. И вотъ назначенъ день для вышнихъ людей ѣхать къ Троицѣ; ѣдетъ одинъ баринъ съ кучеромъ своимъ Борисомъ; если я, говоритъ, буду царемъ, тебя сдѣлаю правою рукою, первѣющимъ человѣкомъ, а ты, Борисъ, если будешь царемъ, куда ты меня положишь? Што попусту калякать, отвѣчалъ ему конюхъ Борисъ; буду царемъ, такъ и скажу. Въѣхали они въ ворота, въ святую обитель—къ Троицѣ, и загорѣлась отъ нихъ свѣча на лампадѣ, сама безъ огня. Увидѣли вышніе люди и закричали: «Господіе, Богъ намъ царя далъ». Не раздробили кому изъ двухъ царемъ быть. И рѣшили, что по-единому пушатъ надо. На другой день пускали людей средняго сорта, а по третій—и самаго низкаго сорта. Какъ зашелъ конюхъ Борисъ въ святія ворота, глаза перекрестилъ по рамамъ, и загорѣлась свѣча на лампадѣ. Всѣ закричали: «Господіе, далъ намъ Богъ царя изъ самаго низкаго сорта людей». Стали разѣзжаться по своимъ мѣстамъ; пріѣхалъ Борисъ царь въ каменну Москву и велѣлъ срубить голову тому боярину, у котораго служилъ онъ въ конюхахъ.

«Вышнихъ людей Борисъ не жаловалъ, а низкимъ людямъ не давалъ голодать. Но самъ покоя не имѣлъ и другимъ покоя не было. Онъ вѣдалъ, а и люди мало вѣрили, что младъ-зеленъ царевичъ самъ убился, играючи ножомъ закололся.

«Въ немогому было житіе его: насыпала на него скорбость, въ палецъ полщиной, отъ главы до ногъ, на всякое мѣсто. Собралъ онъдохпуровъ со всей Россіи и изъ Турецкой земли; и шупъ всѣ они сказали: «Царю, намъ не использовать тебя, а надо призвать человѣка болѣзнь твою языкомъ полизать, и не съ неволи, а съ воли». По первій день сдѣлалъ кличь съ высокихъ лицъ, кто можетъ царскую боль языкомъ полизать и никто не сыскался; на другой день—средняго званія, и тоже—никто. На третій день сдѣлали кличь изъ черняди, и вызвался одинъ, по имени Иванъ, родомъ олончанинъ, изъ Ялгуба (Петрозавод. у.), и полизалъ онъ царскую боль, на ложѣ, во дворцѣ. Черезъ три дня Царь сдѣлался здоровъ, призвалъ его во дворецъ

и спросилъ: «что ты хочешь получишь себѣ, мужичекъ, сходи домой, подумай и скажи». Идетъ этакъ человекъ по Москвѣ, изъ лавки выходитъ купецъ, сѣдиной украиень. Онъ, какъ и многіе въ Москвѣ, узналъ, что отъ него Царь получилъ себѣ здоровье. «Сядь, говоритъ, посиди со мной: что ты, говоритъ, хочешь просишь себѣ отъ Царя за исцѣленіе? Проси ты, говоритъ, «обѣльной грамоты изъ рода въ родъ». Пришелъ онъ во дворецъ и просилъ себѣ «обѣльной грамоты» изъ рода въ родъ. Царь сдѣлалъ по его прошенію. И воропился онъ на родину въ Ялгубу, и вдругъ изъ его гортани пошелъ смрадъ; такъ и жилъ онъ до смерти съ этою пухопною, и грамота идетъ изъ рода въ родъ и къ каждому Царю поступаетъ на требованіе».

Народная пѣсня такъ же рисуесть Годунова, какъ похитителя Русскаго престола.

«Какъ преславился-то царь Федоръ Ивановичъ,
«Такъ досталась-то Россіюшка злодѣйскимъ рукама,
«Злодѣйскимъ рукама боярамъ-господамъ,
«Появился-то изъ бояръ—Борисъ Годуновъ,
«И этакъ Годуновъ всѣхъ бояръ-народъ надулъ;
«Завладѣлъ всею Русью, спалъ царствовать въ Москвѣ;
«Ужъ досталъ онъ и царство смертію царя,
«Смертію царя, славнаго Дмитрія Царевича.
«Не вихрь крутитъ по долинушкѣ,
«Не сѣдой ковыль къ землѣ клонится;
«То идетъ Божій гнѣвъ
«За Русь православную;
«И погибъ коршунъ во гнѣздѣ своемъ,
«Пропочилась кровь по Москвѣ-рѣкѣ».

ПЕРВЫЙ САМОЗВАНЕЦЪ.

Не исчезъ изъ народной памяти и Гришка Отрепьевъ. Въ народныхъ пѣсняхъ поется:

«О Боже, Боже-Спасъ Милостивый,
«За что на насъ, Боже, прогнѣвался?
«Сослалъ на насъ, Боже, прелестника,
«Вора Гришку Распригу Отрепьева.
«Прельстилъ онъ, воръ-собака, три земли:
«Перваго прельстилъ короля въ Литвѣ,
«Другого прельстилъ землю Польскую;
«Третее сильно царство Московское».

Разсказываютъ, что онъ былъ высокъ ростомъ, грамоты и ученія великаго, и, будучи еще ребенкомъ, зароспилъ царскій крестъ въ правую руку. За десять лѣтъ до воцаренія, при Федорѣ Ивановичѣ, вели его въ пюрбму, на Воздвиженской недѣлѣ. Вдругъ онъ остановился на верхней площадкѣ и глядитъ: гуси летятъ и зыкаютъ. «Што-жъ ты спалъ», говорятъ ему вожаки.—«Слушаю,—отвѣчаетъ онъ,—гусей, какъ совѣтуютъ о томъ, чтобы мнѣ быть царемъ на Москвѣ.—Тупъ онъ, спустя много послѣ, объявилъ гусямъ-боярамъ: «я, говоритъ, истинно Димитрій, царскій сынъ»;

смотриме, говоритъ, въ рукѣ у меня зарощень царскій крестъ, а родителъ моя въ подневольѣ, въ Выксинѣ, и крестъ эготъ она заращивала». Приѣзжаетъ царица благовѣрная во царскій градъ Москву, и онъ самъ ее спрѣтает, и «родителъ моя» называетъ. И рады были гуси, што царскій корень не пропалъ. Всѣхъ бояръ перехиприлъ Гришка Разсприга, и избрали его на царство, и царствовалъ онъ годъ и два мѣсяца и проклиняютъ его, какъ и иныхъ царей невѣрныхъ, за всѣ его дѣла проклятыя.

Въ народныхъ массахъ, какъ мы выше сказали, шла глухая, но широкая молва о подмѣнѣ царевича, обреченнаго на смерть, какимъ-то немилымъ постельничкомъ: фабула эта воспѣвалась въ народныхъ пѣсняхъ, относимая къ царевичу Федору Ивановичу, который тогда уже царствовалъ.

Не въ живыхъ только преданіяхъ знаменемъ Дмипрія, что онъ истинный царевичъ, спасенный отъ руки Годунова, служилъ крестъ, зашитый въ рукѣ его матерью. Преданіе это уцѣлѣло и въ народныхъ пѣснопѣніяхъ, съ тою разницею, что крестъ оказывается здѣсь зашитымъ не въ рукѣ, а въ его груди.

«Гришка Разсприжка въ пюрѣмѣ сидитъ,
«Сидѣлъ-то онъ въ пюрѣмѣ ровно тридцать лѣтъ,
«Заростилъ свой крестъ во бѣлы груди».

Мать его Марія Нагихъ, какъ извѣстно, была сослана Годуновымъ на Бѣлоозеро. Преданіе дополняетъ, что ей самой предоставлено было выбрать мѣсто для житія въ предѣлахъ Бѣлоозерскихъ. Вотъ ѣдетъ она по рѣкѣ Шекснѣ, на лодкѣ, и слышитъ звонъ Выксинскаго монастыря, который слышенъ былъ за три версты, и запрянулъ ея сердце пріятными серебрястыми звуками. Она остановилась, поспѣшила въ монастырь и избрала его мѣстомъ для своего жительства; однако поселилась не въ самомъ монастырѣ, а сажень за двѣсти отъ него, на болѣе возвышенномъ мѣстѣ; въ церковь ходила каждый день и около своей хоромыны выкопала колодезь, который донинѣ зовется «царицынъ колодезь». На мѣстѣ ея келви стоитъ пеперъ ель, а на мѣстѣ монастыря—приходская церковь. Ею пожертвованъ былъ въ монастырь большой колоколь, съ лѣтописью ея имени, но церковный староста, въ сороковыхъ годахъ, промѣнялъ его на мѣдъ и слилъ изъ ней новый колоколь, несравненно, конечно, худшаго достоинства.

Вызванная въ Москву Дмипріемъ, она призналась, что «крестъ ему въ руку зашивала», и тѣмъ смутила народъ и бояръ думою, что «царскій корень не пропалъ».

Весьма вѣроятно преданіе, что Гришка Отрепьевъ получилъ свое образование въ какой-то западно-русской іезуитской школѣ и здѣсь совершенно потерялъ національное православное чутве.

Не даромъ, конечно, Виленская іезуитская академія, съ такимъ поржествомъ, съ рѣчами и стихами, полными латинскихъ іезуитскихъ желаній, встрѣчала и провожала его невѣстпу, Марину Мнишекъ, въ православную Москву.

И народная поэзія, въ уста Самозванца влагаешь подобныя же желанія, обращенныя къ своей женѣ—пой же Маринѣ Мнишекъ.

«Приходитъ воръ на царское крылечушко,
«Прицкиваетъ, собака громкимъ голосомъ
«Чтобы слышно было въ хоробру Литву,
«Ко Юрію пану Сердопольскому:

- Ай же ты, Марина, лебедь бѣлая!
- Ты не кланяйся Московскимъ князьямъ-бояромъ,
- Не молись-ко, Марина, чуднымъ образамъ,
- Проходи-тко, Марина, въ палаты бѣлокаменны,
- Ты садись-ко, Марина, за столы за дубовые,
- Кушай—рушай-же, Марина, лебедь бѣлую».

Ученикъ иезуитской школы, онъ не умѣлъ щадить національное русское чувство и религиозные православные обычаи, а потому и самъ чувствовалъ свою непрочность на Русскомъ престолѣ:

«Проживу ли то я, Маринушка, прицать лѣтъ,
«Иль не проживтъ мнѣ-ка, Маринушка, и трехъ часовъ».

Съ избраніемъ въ Цари Василя Шуйскаго, позорно низвергнувшаго его съ престола, опнюдъ не наступило на Руси успокоенія. Напропивъ пого, пеперь-то началась борьба социальная; борьба низнихъ классовъ народа, бѣглыхъ крестьянъ и казаковъ противъ выснихъ классовъ землевладѣльцевъ и господъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ усилилось въ обществѣ, вмѣсто Царя въ борнаго, исканіе Царя прирожденнаго. Государство распалось въдребезги. Имъ правила семибоярщина,—а у семи нянекъ дитя безъ глазъ. Ворота крѣпостныя были открыты, и въ Кремлѣ царствовалъ ляхъ, нагло ликуя свою побѣду надъ Русскимъ народомъ. Земля русская представляла пустыню, надъ коей простерлись мгла смерти и ужасъ огня и меча.

СПАСИТЕЛИ ГОСУДАРСТВА.

Въ это безгосударственное время являются героями и спасителями Русскаго Царства Скопинъ-Шуйскій, Папріархъ Гермогенъ, Мининъ—Пожарскій.

Народная пѣсня о Скопинѣ проникнута глубокимъ благоговѣніемъ предъ его спасительнымъ подвигомъ. Положеніе Россіи было ужасно:

«Кругомъ всего Царства Московскаго
«Липва облегла во всѣ четыре стороны
«И съ нею сила, Сорочина долгополая,
«И тѣ Черкесы Пятигорскіе,
«Еще ли Калмыки съ Татарами,
«Со Татарами со Башкирами,
«Еще Чюкча со Люторами,
«Нельзя ни пройти, ни проѣхати
«Ни конному, ни пѣшему.
«Скопинъ съ своей дружиною
«Въ восточную сторону походомъ пошли,
«Они вырубилъ Чудь-бѣлоглазую,
«Они вырубилъ Сорочину долгополую;
«Въ полуденную сторону походомъ пошли,
«Прекрышили Черкесъ Пятигорскихъ;
«А немного дрались, скоро сами сдались;
«А на Сѣверную сторону походомъ пошли,

«Прирубили Калмыковъ со Башкирцами;
«А на Западную сторону и въ ночь пошли,
«Прирубили Чюкши со Люпорами».

Но это побѣдоносное и славное очищеніе Руси Скопинымъ стоило ему жизни, и если исторія лишь предполагаетъ его оправленіе, то народная пѣсня изображаетъ подробно какъ это случилось.

«Какъ у насъ было въ каменнѣй Москвѣ,
«У князя было Воробинскаго,
«Было пированіе великое:
«Крестили дитя княженецкое.
«Кумомъ былъ Михаило Скопинъ,
«Князь Михаило Скопинъ, сынъ Василевичъ,
«А кумою была дочь Скурлапова.
«Много было путь князей-бояръ,
«Князей-бояръ, гостей званыхъ,
«Они ѣли-пили, прохлаждалися...
«Выходили на красенъ крѣлецъ—
«И учили они хвастаться:
«Одинъ скажетъ: у меня много чиста серебра,
«Другой скажетъ: у меня больше красна золота.
«Князь Михаило Скопинъ, сынъ Василевичъ,
«Онъ не пилъ зеленѣ вина,
«Только пилъ меду сладкіе.
«А и съ меду князь захмѣлѣлъ,
«Во хмѣлю онъ похваляться спалъ:
.....
.....
— Я очистилъ царство Московское,
— Я вывелъ вѣру поганскую,
— Я спалъ за вѣру Христіанскую,
— И за то мнѣ слава добѣку.
«И то слово кумѣ не полюбилось.
.....
«Втапоры она дѣло сдѣлала:
«Наливала чару зеленѣ вина,
«Подсыпала въ чару зелья лютаго,
«Подносила чару куму крестовому.
«А князь отъ вина отказывался,
«Онъ самъ не пилъ, куму подчивалъ.
«Думалъ князь—она выпила,
«А она въ рукавъ влила.
«Брала же она стаканъ меду сладкаго,
«Подсыпала въ стаканъ зелья лютаго,
«Поднесла куму крестовому.
«Отъ меду князь не отказывается:
«Выпиваетъ стаканъ меду сладкаго;
«Какъ его путь рѣзвы ноженки подломилися,
«Его бѣлыя рученки опустилися;
«Ужъ какъ брали его путь слуги вѣрные,
«Подхватили его подъ бѣлы руки,
«Увозили князя къ себѣ домой.
«Какъ встрѣчала его матушка:
— Дитя тѣ мое, чадо милое!
— Сколькo по пирамъ тѣ не ѣзживалъ,
— А таковъ пьянъ да тѣ не бивывалъ.
«Охъ тѣ, гой еси, матушка моя родимая!
«Сколькo я по пирамъ не ѣзжалъ,

«А таковъ еще пьянь не бывалъ:
«Събла меня кума крестовая,
«Дочь Малюты Скурлатова».

Иначе чтить народъ, соотвѣтственно званію и сану, другого спасителя Русскаго Царства—Папріарха Гермогена. Много спсрадалъ онъ за Русскую землю. Онъ спсрадалъ за канонъ церковный, когда всѣ другіе епископы ему измѣнили; онъ спсрадалъ за Царя боговѣнчаннаго, когда боярство его отрицало; онъ спсрадалъ за вѣру въ народную мощь Россіи, въ которой извѣрился Царь боговѣнчанный, искавшій помощи у народа иновѣрнаго и иноплеменнаго; онъ спсрадалъ за идею Царя,—русской крови и Русскаго православнаго духа, когда избирали царя польской крови и латинской вѣры; онъ спсрадалъ за русское рапоборное множество, откликнувшееся на призвѣвъ его, когда силою заграждали уста его и помили заточеніемъ. Онъ спсрадалъ, и чашу своихъ спсраданій испилъ до дна: онъ палъ, обезсиленный и измученный голодомъ и жаждою, въ мрачномъ Чудовскомъ подземельѣ; онъ палъ отъ враговъ Россіи и возспалъ въ народномъ сознаніи, въ вѣнцѣ священномученика, положившаго животъ свой за Русскую землю.

Вотъ уже приста лѣтъ простой народъ преклоняетъ колѣни предъ его гробницей въ Успенскомъ соборѣ и совершаетъ предъ нимъ панихиды; еще въ XVII вѣкѣ благочестивые русскіе папріоты причисляли его къ лику святыхъ мѣстно чтимыхъ и держали въ домахъ его ликъ ¹⁾.

Въ Нижнемъ Новгородѣ, какъ извѣстно, было поднято знамя спасенія Россіи Мининымъ и Пожарскимъ. Подъ это знамя спали и помѣстное дворянство, гоповое на бой за землю Русскую, и мѣръ порговой, чуткій къ русской славѣ и гоповой на жертвы, и все гражданство, и все крестьянство, чуввшее въ себѣ силу хоробрую, богатырскую.

Но сборнымъ пунктомъ всѣхъ земскихъ дружинъ изъ сѣверныхъ областей, спавшихъ подъ это знамя и горѣвшихъ желаніемъ изгнать изъ родной земли чужеземное насиліе, былъ городъ Ярославль.

Какъ ни велика и ни могуча была собравшаяся здѣсь боевая сила, но ей, при ея множествѣ и разрозненности, нужно было единое настроеніе, возвышенное, объединяющее чувство, заглушающее себялюбіе и личные счеты. Извѣстно, что ничто не можетъ внушить герою такой вѣры въ свою собственную мощь и силу, какъ религиозное чувство, какъ голосъ о помощи свѣше, о сверхъестественномъ содѣйствіи Великаго Бога Земли Русской.

Вотъ эту-то богатырскую силу, это-то возвышенное настроеніе, это-то общее всеобдержное одушевленіе и горѣніе духомъ и передало Ярославское городское общество собравшимся здѣсь дружинамъ Пожарскаго и Минина; оно ихъ объединило, заразило и зарядило нравственной энергіей и препетнымъ чаяніемъ побѣды и славы.

Мрачно и убійственно подѣйствовала было тогда на эти дружины открывшаяся въ Ярославлѣ моровая язва, которая свирѣпствовала тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше собралось здѣсь ополченцевъ изъ разныхъ городовъ сѣверныхъ, восточныхъ и западныхъ. Геройскія сердца упали и были подавлены горемъ и уныніемъ. Начались среди нихъ внутреннія неспроенія. На первыхъ же шагахъ открылись грозныя предвѣстія и, Богъ знаетъ что было бы, если бы ярославскіе граждане не поддержали упавшій духъ разспроившихся дружинъ.

¹⁾ Лѣтъ тридцать тому назадъ на Московскомъ антикварномъ рынкѣ, именно у С. Т. Большакова продавалась икона Святителя Гермогена, на доскѣ XVIII вѣка, гдѣ онъ изображенъ былъ съ нимбомъ.

Обрѣшеніе и явленіе народу древнѣйшей иконы Нерукопвореннаго Спаса, находившейся въ вѣпхой часовнѣ, и всенародный крестный ходъ кругомъ всего погданнаго города, съ чудотворнымъ Толгскимъ образомъ Богоматери, подняли и укрѣпили упавшій народный духъ и чрезъ то ослабили, среди гражданъ и дружинъ, дѣйствіе смертоноснаго яда раздора и смуты. Но особенно же на повѣшеніе духа и нервовъ въ Ярославлѣ указываетъ построение здѣсь «Обыденнаго храма во славу Нерукопвореннаго Спаса». Тогда умѣли вѣровать, умѣли молиться, умѣли горѣ подымать свои сердца. Мы не можемъ пеперѣ и представить того горячаго религіознаго одушевленія, которое подвигнуло тогда ярославскихъ гражданъ построить и освятить храмъ Всемилошпивому Спасу въ одинъ день. Святое чувство охватывало всѣхъ—и старыхъ и молодыхъ и средовѣчныхъ; оно проникало тогда насквозь все существо человека и самыя кости его. Другъ передъ другомъ, любовно и единомысленно, всѣ спѣшили принять такое или иное участіе въ построении обыденнаго храма. Всякому хотѣлось приобщиться къ святому дѣлу и угодить Всемилошпивому Спасу. Нѣтъ сомнѣнія, что и полки Пожарскаго принимали участіе въ построении этого обыденнаго храма, и тѣмъ усерднѣе, чѣмъ сильнѣе чувство валась опасность смертоносной язвы.

Вотъ это-то религіозное одушевленіе и ободрило упавшя дружины, перелилось въ ихъ сердца; заставило забыть взаимныя распри, объединиться и думать только объ одномъ—о спасеніи во имя Божіе земли Божіей, Русской, православной.

Какъ Пожарскій и Мининъ дорожили такимъ высокимъ, объединяющимъ настроениемъ своихъ разнородныхъ и немирныхъ полковъ, видно изъ того, что они, какъ-будто опасаясь утраты или ослабленія этихъ святыихъ чувствъ на пути, настаивали и даже пребывали, чтобы отъ Ярославля до Троицы дружины ихъ сопровождалъ Ростовскій митрополитъ Кирилль. У Троицы снова начались внутренніе раздоры, но здѣсь у раки преподобнаго, Великаго Споятеля за Русскую землю, легче было примириться и объединиться подъ религіозной идеей. Отъ Троицы до Москвы, также, конечно, по желанію Пожарскаго и Минина, дружины ихъ сопровождалъ Троицкій келарь Авраамій Палицынъ съ пою же цѣлю, чтобы оберегалъ святыя, объединяющія всѣхъ, возвышенныя настроенія, вынесенныя изъ Ярославля. Такимъ образомъ религіозный энтузіазмъ ярославцевъ велъ ополченія Минина и Пожарскаго, устраняя на пути всѣ несогласія и раздоры, отъ Ярославля до Троицы и отъ Троицы до Москвы.

Неизвѣстны подробности того, изъ-за чего именно возникали эти несогласія; но то извѣстно, что одни были недовольны воинскимъ хозяйствомъ, которое велъ Мининъ, другіе—воинскими распорядками, коими руководилъ Пожарскій. Да и трудно было поддерживать согласіе и миръ среди множества разнородныхъ земцевъ и своеобразныхъ горожанъ, при томъ же въ такіе моменты, когда всякая склонность къ дисциплинѣ была расшатана и подорвана общеземскимъ настроениемъ и отсутствиемъ всякаго государственнаго порядка.

Въ Москвѣ же собравшимся земскимъ ополченіямъ приходилось имѣть дѣло не только съ поляками, зашедшими въ Кремль, но и съ казаками, ихъ осаждавшими, кои, какъ извѣстно, заманили въ свой кругъ славнаго предводителя перваго земскаго ополченія Ляпунова и изрубили своими саблями, и кои еще больше ненавидѣли князя Пожарскаго и искали его смерти прежде, чѣмъ появился онъ подъ Москвою.

При такихъ обстоятельствѣхъ не могла не испытывать пуги душа Пожарскаго, не могла не волноваться отъ мрачной неизвѣстности, не могла не смущаться и не омрачаться большими опасеніями происковъ Заруцкаго.

Въ древнемъ Ростовѣ, мимо коего лежалъ путь изъ Ярославля къ Москвѣ, въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ подвизался старецъ Иринархъ; онъ жилъ въ тѣсной кельѣ, носилъ на себѣ тяжкія вериги и проводилъ время въ молитвахъ, прикованный къ стулу десятисаженной цѣпью. Своимъ молитвеннымъ подвигомъ достигъ онъ внутренняго прозрѣнія. Когда Сапѣга съ войскомъ вошелъ въ Ростовъ, подступилъ къ Борисоглѣбскому монастырю и зашелъ къ Иринарху въ келью, онъ изумилъ Сапѣгу безспрашиемъ польскаго меча, суровостію своего подвига и исповѣданіемъ «въ какой землѣ жить, тому и служить». «Возвратись, панъ, въ свою землю,—сказалъ онъ Сапѣгѣ;—полно тебѣ разорять Россію; если не выйдешь изъ Россіи или опять придешь, знай, что ты здѣсь будешь убитъ». Предсказаніе подвижника исполнилось.

И вотъ этакъ самый старецъ, провидя смущеніе и волненіе Пожарскаго, нашель нужнымъ нравственно его укрѣпить. Онъ прислалъ князю благословеніе и просфору и велѣлъ сказать: «спулай въ Москву, не бойся Заруцкаго: увидите славу Божию». Понятно, почему самъ Пожарскій поспѣшилъ въ Ростовъ лично увидать споль прозорливаго старца. Преподобный опдалъ ему свой крестъ и напутствовалъ его своимъ благословеніемъ.

Съ неперпѣніемъ ожидавшій его ополченія подѣ Москвою князь Трубецкой, какъ тушинецъ и поварищъ Заруцкаго, въ душѣ своей не чуждѣ былъ коварства. Подѣ Москвою, такимъ образомъ, спояли вожди земскаго ополченія и казацкихъ полковъ и открыто не ладили другъ съ другомъ. Дѣло спасенія Москвы и Россіи снова готово было погибнуть, и снова было поддержано чисто русскимъ православнымъ чувствомъ и единымъ нравственнымъ движеніемъ. Въ крипическую минуту подѣ Москвою отъ какихъ-то неизвѣстныхъ пустынниковъ, бытъ можетъ изъ того же самаго Ростова, получено было воззваніе на имя Пожарскаго—Трубецкого съ слезнымъ и задушевнымъ моленіемъ прекратитъ взаимный раздоръ, соединитъся въ союзъ любви и мира и спасти Москву и всю землю Русскую—православную. Союзъ этакъ былъ заключенъ. Часть казаковъ съ Заруцкимъ ушла въ Астрахань, а часть проникла на Крайній Сѣверъ. Польскій гарнизонъ не могъ удержаться въ Кремлѣ и сдался. Такъ совершилось «Московское очищеніе» и таково историческое значеніе «Обыденнаго всеградскаго храма» въ Ярославлѣ во славу Нерукопвореннаго Спаса, вызваннаго здѣсь сборищемъ ополченій Минина и Пожарскаго ¹⁾.

¹⁾ Таково историческое значеніе Ярославскаго обыденнаго храма Нерукопвореннаго Спаса. Храмъ этакъ нынѣ возобновленъ церковнымъ старостію Александромъ Ивановичемъ Вахрамѣевымъ; открытыя въ алтарѣ фрески реставрированы въ точности; главы позолочены; храмъ принялъ видъ древности. Освященіе его было соединено съ торжествомъ въ память собранія въ Ярославлѣ дружинъ Минина и Пожарскаго, для спасенія Москвы и Русской земли. Торжество было прогательное до слезъ умиленія. Воспроизведенъ былъ крестный ходъ кругомъ всего тогдашняго города, по улицамъ, составлявшимъ тогдашнія окраины; на соборной площади расположены были полки, напоминавшіе дружины Пожарскаго, подѣ знаменемъ его стяга, въ соотвѣтствующей копіи. Подѣ звуки воинской музыки и пѣнія соединенныхъ хоровъ, съ цѣлымъ соборомъ епископовъ, въ первенствѣ архіепископа Тихона Ярославскаго и Ростовскаго, несены были протоіереями тѣ самыя чудотворныя иконы, кои были поднимаемы дружинами Минина и Пожарскаго. Все это, вмѣстѣ съ колокольнымъ звономъ по всему граду производило умиляющее дѣйствіе и напоминало топъ подъемъ духа въ дружинахъ, который велъ ихъ къ Троицѣ и отъ Троицы къ Москвѣ. Вечеромъ происходило засѣданіе Архивной Комиссіи, на которомъ и были высказаны мною въ привѣтствіи изложенныя мысли. Честъ и слава Комиссіи, устроившей это поучительное историческое торжество.

Народная пѣсня помнитъ какъ вдохновенный патриотическій кличъ Минина въ Нижнемъ Новгородѣ, такъ и то религиозное одушевленіе, которое вынесъ Пожарскій съ своимъ войскомъ изъ Ярославля, изъ Обиденнаго храма Спаса.

«Въ старомъ было Новгородѣ
«Жилъ-поживалъ богатый мѣщанинъ,
«Кузьма, Сухороковъ сынъ.
«Собравъ удалыхъ земляковъ,
«Онъ рѣчь имъ возговорилъ:
«Ой вы, гой еси, поварищи, Нижегородскіе купцы!
«Оставляйте вы домъ,
«Покидайте женъ вы и дѣтей;
«И на ваше злато-серебро
«Накупите копій вострыхъ
«И ножей да вы булатныхъ.
«Пойдемъ-ко мы сражамся,
«За матушку за родну землю;
«Освободимъ мы Москву православную
«Отъ поляковъ злыхъ и нечестивыхъ жидовъ.
«Привель-то князь Пожарскій свои храбрые полки
«Ко спѣнамъ-то привель ко Московскимъ;
«Взговорилъ-то онъ храбрымъ воинамъ:
— Охъ вы, гой еси, храбрые солдапушки!
— Помолимся мы на святые врата да на Спаския,
— На Пречистый Спасовъ образъ уповаючи.
«Помолившись дѣло начали—
«Разбили и проломили врата крѣпкія
«И начали поляковъ колодь-рубить,
«Колодь-рубить и въ кучи валить;
«Самого-то Сизмунда въ полонъ взяли,
«Въ полонъ взяли, руки-ноги вязали,
«Руки-ноги вязали, буйну голову рубили».

Последними стихами лишь выражается, что Москва навсегда была очищена отъ Ляховъ.

Въ горниль огненныхъ государственныхъ испытаній закалилась и окрѣпла историческая государственная идея. По всей Руси, въ городахъ и селахъ, отъ барина до мужика, почувалась потребность, вопиющая и неотложная, въ Царѣ-Самодержцѣ, Царѣ прирожденномъ, Царѣ милостию Божіею, излюбленномъ всею Землею. Только съ избраніемъ такого Царя кончилось огненное испытаніе и началась новая эпоха русской исторіи.

Оригиналъ

